

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА «ПОЕЗД СИРОТ».
ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

Кристина Бейкер
Клайн

ИЗГНАННИЦЫ

Потрясающе...
Кристина мастерски исследует
характеры своих персонажей,
чтобы рассказать
впечатляющую историю...

*Хезер Моррис, автор романа
«Татуировщик из Освенцима»*

Азбука-бестселлер

Кристина Клайн

Изгнанницы

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Клайн К. Б.

Изгнанницы / К. Б. Клайн — «Азбука-Аттикус»,
2020 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-20499-7

Кристина Бейкер Клайн (р. 1964) – американская писательница, ее книги издаются в 40 странах, статьи, эссе и обзоры публикуются в New York Times, NYT Book Review, The Boston Globe, The San Francisco Chronicle, LitHub, Psychology Today, Slate. Романы Клайн удостоены премии Новой Англии за художественную литературу, литературной премии штата Мэн и премии Barnes & Noble Discover Award; они были выбраны сотнями сообществ, школ и университетов – участников проекта «One Book, One Read» (christinabakerkline.com). В 2013 году вышел в свет «Поезд сирот», который принес автору известность и стал бестселлером. Этот роман основан на реальных событиях американской истории – таким образом Кристина Бейкер Клайн заявила о себе как о писателе, раскрывающем примечательные, но малоизвестные грани прошлого. Героини романа «Изгнанницы» в числе других заключенных были высланы из Англии в исправительные колонии Австралии XIX века. У этих женщин трудная судьба, они видели много горя и несправедливости, но надежда на лучшую жизнь не покидает их. Как встретит изгнанниц далекий континент? Станет ли он для них новой тюрьмой или второй родиной?.. Впервые на русском!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-20499-7

© Клайн К. Б., 2020
© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

Пролог	7
Эванджелина	11
Сент-Джонс-Вуд, Лондон, 1840 год	11
Ньюгейтская тюрьма, Лондон, 1840 год	20
Ньюгейтская тюрьма, Лондон, 1840 год	26
Ньюгейтская тюрьма, Лондон, 1840 год	33
Ньюгейтская тюрьма, Лондон, 1840 год	39
Матинна	43
Остров Флиндерс, Австралия, 1840 год	43
Тасманово море, 1840 год	46
Хобарт, Земля Ван-Димена, Австралия, 1840 год	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Кристина Бейкер Клайн

Изгнанницы

Посвящается Хейдену, Уиллу и Эли

*И пусть не говорят, что прошлое мертво:
Оно повсюду – и вокруг, и в сердце нашем.
Уджеру Нунуккал, австралийская поэтесса-абориген*

Christina Baker Kline
THE EXILES

Copyright © 2020 by Christina Baker Kline
Published by arrangement with Custom House/William Morrow, an imprint of HarperCollins
Publishers
All rights reserved

© Т. А. Савушкина, перевод, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Пролог

Остров Флиндерс, Австралия, 1840 год

К тому времени, когда начались дожди, Матинна уже почти два дня пряталась в буше. Ей было всего восемь, и она мало что умела, но как затеряться, пропасть из виду, знала. Едва научившись ходить, девочка исследовала каждый уголок Вилабенны, удаленного поселения на острове Флиндерс, куда ее народ был изгнан еще до рождения Матинны. Она носилась вдоль гранитной гряды, протянувшейся по верхушкам холмов, рыла ходы в сахарных дюнах на пляже, играла в прятки среди зарослей и кустарников. Знала всех животных: поссумов, валлаби и филандеров – маленьких кенгуру, которые жили в лесу и выходили только по ночам; тюленей, которые не жили на скалах и, перекатываясь, соскальзывали в волны прибоя, чтобы охладиться.

Тремя днями ранее в Вилабенну на корабле прибыли губернатор Джон Франклин и его супруга, леди Джейн; они проделали путь более чем в двести пятьдесят миль от своей резиденции, расположенной на острове Лутрувита – или Земле Ван-Димена¹, как его называли белые. Матинна и другие дети стояли на гряде, пока губернатор с женой поднимались с пляжа в сопровождении полудюжины слуг. Леди Франклин было тяжело идти в блестящих атласных туфельках: она то и дело поскальзывалась на камнях. Крепко вцепившись в руку мужа, женщина нетвердой походкой шла к ним с таким кислым выражением лица, будто проглотила кусочек артишока. Морщины на ее щеке напомнили Матинне розовые мясистые сережки медососа.

Прошлым вечером старейшины палава², собравшись вокруг костра, обсуждали предстоящий визит губернатора. Христианские миссионеры готовились к нему много дней. Детям наказали выучить танец. Матинна сидела в темноте на краю круга, как делала часто, и слушала разговоры, которые старейшины вели, оципывая буревестников и жаря на тлеющих углях моллюсков. Джон Франклин и его жена, по общему мнению, были людьми порывистыми, взбалмошными и довольно глупыми; ходило много историй об их диковинных, своеобразных до странности начинаниях. Леди Джейн, например, до смерти боялась змей. Однажды она надумала платить по шиллингу за каждую принесенную ей мертвую змею, что, понятное дело, вызвало настоящий ажиотаж. Нашлось немало желающих подзаработать на разведении рептилий, так что это стоило сэру Джону небольшого состояния. В прошлом году супруги посетили Флиндерс с целью пополнить свою коллекцию черепами аборигенов – подумать только, они отрубали трупам головы, а затем отваривали их, чтобы отделить плоть от костей.

Джордж Робинсон, англичанин с лошадиной физиономией, бывший главой поселения на Флиндерсе, жил со своей женой в кирпичном доме, стоящем в полукруге из восьми кирпичных зданий, где размещались комнаты для прислуги, изолятор и диспенсарий³. За ними находилось двадцать хижин для палава. Первую ночь после своего приезда сэр Джон и леди Джейн провели в доме Робинсонов. На следующий день рано утром они осмотрели поселение, пока их слуги раздавали бусы, бисер и носовые платки. После полуденного обеда туземцев позвали развлекать гостей. Чета Франклинов восседала на двух стульях красного дерева на открытом песчаном участке перед кирпичными домами, и на протяжении следующего часа или около

¹ Земля Ван-Димена – первоначальное название острова Тасмания, использовавшееся европейскими исследователями и переселенцами. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² Палава – самоназвание коренного населения острова Тасмания.

³ Диспенсарий – учреждение, бесплатно раздающее бедным лекарства.

того несколько здоровых мужчин-палава были вынуждены разыгрывать бой и соревноваться в метании копий. Затем к гостям торжественно вывели детей.

Пока Матинна танцевала на белом песке в кругу с другими детьми, леди Франклин наблюдала за ней с задумчивой улыбкой.

Будучи дочерью вождя племени лоурини, Матинна давно привыкла к повышенному вниманию со стороны окружающих. Несколько лет назад ее отец, Тоутерер – как и многие другие аборигены, насильственно переселенные на Флиндерс, – умер от чахотки. Матинна гордилась тем, что была дочерью вождя, но, по правде говоря, отца толком не знала. Ее еще трехлетней малышкой отправили из родительской хижины в кирпичный дом, где она жила вместе с белой учительницей, которая заставляла девочку носить чепец и платья на пуговицах, учила воспитанницу говорить, читать и писать по-английски, правильно держать нож и ложку. Но Матинна все равно каждый день старалась проводить как можно больше времени со своей матерью Ванганип и другими соплеменниками, из которых почти никто не знал английского языка и не соблюдал британские обычаи.

А несколько месяцев тому назад мама умерла. Ванганип всегда ненавидела Флиндерс. Она часто забиралась на остроконечный холм близ поселения и глядела через бирюзовое море в сторону своей родины, лежащей в шестидесяти милях отсюда. «Какое ужасное место, – говорила она Матинне, – этот бесплодный остров, где ветер дует так сильно, что выворачивает из земли овощи и раздувает маленькие огоньки до адского пламени, а деревья сбрасывают кору, словно змеи шкуру». По словам матери, Флиндерс не имел ничего общего с землей ее предков. Лежал проклятием на ее душе. На душах их всех. Их соплеменники постоянно болели; большинство детей, рождавшихся на острове, умирали, не дожив и до года. Народу палава пообещали землю, где царят мир и изобилие; если они будут делать, что велено, утверждали британцы, им позволят жить так, как раньше. «Но все это оказалось враньем. Сплошным враньем, в которое мы так глупо поверили, – горько вздыхала Ванганип. – А что нам оставалось? Англичане и так уже все забрали себе».

Заглядывая в лицо матери, Матинна видела в ее глазах гнев. И все же сама девочка не испытывала ненависти к острову. Флиндерс был единственным домом, который она знала в своей жизни.

– Подойди, дитя, – произнесла супруга губернатора после окончания танцев, поманив малышку пальцем.

Когда Матинна послушно приблизилась, леди Франклин, внимательно ее рассмотрев, повернулась к мужу.

– Какие выразительные глазки! И личико премиленькое, тебе так не кажется? На редкость симпатичное для туземки.

Сэр Джон пожал плечами:

– Честно говоря, для меня они все на одно лицо.

– Интересно, получится ли привить ей правильные манеры, дать воспитание?

– Она живет в доме школьного учителя, и тот обучает ее английскому, – сказал Робинсон, выступая вперед. – Девочка уже неплохо разговаривает.

– Как интересно. А где ее родители?

– Она сирота.

– Вот, значит, как. – Жена губернатора снова повернулась к Матинне. – Скажи что-нибудь.

Матинна изобразила книксен. Заносчивая грубость англичан уже не вызывала у нее удивления. И уточнила:

– Что прикажете сказать, мэм?

Глаза леди Франклин округлились.

– Бог мой! Я впечатлена, мистер Робинсон. Да вы обращаете дикарей в добропорядочных граждан.

– Поговаривают, что в Лондоне орангутангов обряжают на манер джентльменов и учат читать, – задумчиво произнес сэр Джон.

Что такое орангутанг, Матинна не знала, но слышала, как, сидя вокруг костра, старейшины говорили о дикарях – английских китобоях и тюленщиках, которые жили, словно звери, и чихать хотели на правила приличия. Леди Франклин, должно быть, что-то напутала.

– Здесь немного другая история, – со смешком возразил Робинсон. – Аборигены, как ни крути, все-таки люди. Наша теория заключается в том, что, меняя внешние обстоятельства, можно изменить и личность человека. Мы приучаем их к нашей пище, нашему языку. Наполняем их души христианской верой. Вот поглядите: туземцы теперь и одежду носят. Мужчин мы остригли волосы, а женщинам внушили представление о скромности. Чтобы перемены проходили легче, дали им христианские имена.

– Я так понимаю, смертность среди них довольно высокая, – заметил сэр Джон. – Из-за деликатной конституции.

– Весьма досадное, но неизбежное обстоятельство, – подтвердил Робинсон. – Мы вывели туземцев из буша, где они не ведали ни Бога, ни даже того, кто сотворил их деревья. – Он хихикнул и уже более серьезно продолжил: – Не следует забывать, что все мы рано или поздно умрем, но прежде должны вознести Господу молитвы, позаботившись о спасении своей души.

– Совершенно верно. Вы оказываете дикарям большую услугу.

– Как зовут вот эту? – поинтересовалась леди Франклин, снова обращая свое внимание на Матинну.

– Мэри.

– А как ее звали изначально?

– Изначально? Аборигены называли ее Матинной. Миссионеры окрестили Ледой. Мы остановились на чем-то не столь... вычурном, – ответил Робинсон.

Девочка не помнила, чтобы ее окрестили Ледой, а вот имя Мэри мама просто терпеть не могла, поэтому палава наотрез отказывались его использовать. Так Матинну называли только англичане.

– Ну что ж, по-моему, она прелестна, – сказала леди Франклин. – Я бы хотела оставить ее себе.

Оставить себе? Матинна попыталась поймать взгляд Робинсона, но тот словно бы не замечал ее стараний.

Сэр Джон выглядел слегка удивленным:

– Ты намерена забрать ее к нам домой? После того, что случилось с твоим последним приобретением?

– На этот раз все сложится по-другому. Тимео был... – Леди Франклин вздохнула и покачала головой. – Вы сказали, девочка сирота? – уточнила она, оборачиваясь к Робинсону.

– Да. Ее отец был вождем племени. Мать, овдовев, снова вышла замуж, но недавно тоже умерла.

– Получается, она принцесса?

Робинсон слегка улыбнулся:

– Пожалуй, в каком-то смысле.

– Хм-м... – Леди Джейн повернулась к мужу. – Ну так что, ты не против?

Сэр Джон благосклонно улыбнулся.

– Если тебе угодно развлечься подобным образом, моя дорогая, то полагаю, вреда от этого не произойдет.

– Мне думается, будет занятно.

– А если нет, мы всегда можем отправить девчонку обратно.

Матинна не хотела покидать остров с этими вздорными людьми. Не желала расставаться со своим отчимом и другими старейшинами. С какой стати ей вдруг уезжать в какое-то новое, незнакомое место, где ее никто не знает и не любит? Ухватив Робинсона за руку, она прошептала:

– Пожалуйста, сэр. Я не...

Грубо выдернув руку, он обратился к чете Франклинов:

– Мы сделаем необходимые приготовления.

– Замечательно. – Леди Франклин склонила голову набок, оценивая девочку. – Значит, Матинна? Я бы предпочла звать ее так. Тем сильнее будет удивление окружающих, если она усвоит манеры, приличествующие леди.

Позже, когда сопровождающие губернатора отвлеклись, Матинна юркнула за кирпичные дома, возле которых сейчас собралось множество народу. Она так и не сняла церемониальную накидку из шкур валлаби, которую подарил ей перед смертью отец, и ожерелье из крохотных зеленых ракушек, сделанное матерью. Пробираясь через заросли травы валлаби⁴, чувствуя голеньями ее шелковое касание, девочка слушала брешущих собак и курравонгов, упитанных черных птиц, которые при приближении дождя издавали залиvistые трели и хлопали крыльями. Вдыхала знакомый аромат эвкалипта. Скользнув в буш, начинающийся сразу за расчищенным участком, Матинна подняла глаза и увидела, как в небо извергается гейзер тонкоклювых буревестников.

⁴ Имеется в виду дантония длиннолистная.

Эванджелина

Я не помню ни одного случая, чтобы какая-либо вышедшая на свободу преступница оказалась добропорядочной женщиной. И считаю своим долгом рассказать об их явных и постыдных пороках. Просто немыслимо, насколько все эти особы дерзкие и жестокие, даже свирепые. Они являются моровой язвой, гангреной колониального общества, таким поношением человеческой природы, позором всему живому, ибо дикие звери – и то лучше.

Джеймс Муди. Преступники Нового Южного Уэльса: Правдивое отображение истинной романтики жизни на побережье Ботанического залива, 1837

Сент-Джонс-Вуд, Лондон, 1840 год

Все еще пребывая в глубинах беспокойного сна, Эванджелина услышала стук. Открыла глаза. Тишина. Потом еще более настойчивое: тук-тук-тук.

Пол пересекал узкий луч света, который проникал через окошко, расположенное высоко над ее кроватью. Девушку охватило смывание: судя по всему, она проспала утренний колокол.

Прежде с нею еще ни разу не случилось ничего подобного.

Эванджелина села, но, почувствовав тошноту, откинулась обратно на подушку.

– Одну минуту.

Рот наполнился слюной, и она сглотнула.

– Дети ждут! – В голосе горничной звенело возмущение.

– Который теперь час, Агнес?

– Так уж полдесятого!

Эванджелина снова села, стягивая с себя простыни. К горлу поднялась желчь, и на этот раз удержать ее не удалось; девушка свесилась с кровати, и ее вырвало прямо на сосновый пол.

Ручка повернулась, и дверь распахнулась. Эванджелина подняла беспомощный взгляд на Агнес, которая, сморщив нос, с неодобрением смотрела на вязкую желтую лужицу у своих ног.

– Дай мне всего одну минуту. Пожалуйста. – Она вытерла рот рукавом.

Агнес не сдвинулась с места.

– Никак траванулась? Небось съела чой-то не то?

– Да вроде бы нет.

– Лихорадит?

Эванджелина прижала руку ко лбу: прохладный и влажный. Отрицательно покачала головой.

– И давно тебе поплохело?

– Да вот только сегодня утром.

– Хм. – Служанка поджала губы.

– Ничего страшного, просто... – Эванджелина почувствовала, как у нее скручивает живот. С усилием сглотнула. – Со мной все нормально.

– Да какое там нормально! А то я не вижу. Пойду-ка доложу миссис Уитстон, что уроков нынче не будет.

Агнес коротко кивнула и развернулась, чтобы уйти, но вдруг замерла, прищурившись в сторону комода.

Эванджелина проследила направление ее взгляда. Сверху на крышке, рядом с овальным зеркалом, сиял в солнечном свете перстень с рубином, пятная багрянцем белый носовой платок, на котором он лежал.

Сердце девушки сжалось. Прошлой ночью она любовалась перстнем при свете свечи и по глупости забыла его спрятать.

– Отколева он у тебя? – спросила Агнес.

– Это... подарок.

– И от кого ж?

– Э-э-э... от одного родственника.

– Да ну? Вроде как твои все уже померли?

Агнес прекрасно знала, что никаких родственников у Эванджелины не имелось. Она и в гувернантки-то подалась потому, что больше идти было некуда.

– Это... фамильная драгоценность.

– Чтой-то я его на тебе прежде не видала.

Девушка опустила ноги на пол:

– Можно подумать, что мне часто подворачивается повод пощеголять фамильными драгоценностями! И вообще, что ты ко мне прицепилась? – в нарочито грубоватой манере ответила она. – А сейчас оставь меня, пожалуйста. И не надо отменять занятия. Со мной все в полном порядке. Через четверть часа буду готова встретиться с детьми в библиотеке.

Агнес строго на нее взглянула, после чего вышла из комнаты, плотно закрыв за собой дверь.

Потом Эванджелина станет прокручивать в голове этот момент с дюжину раз: что надо было сказать или сделать, чтобы сбить горничную со следа? Пожалуй, ничего бы не помогло. Агнес всегда ее недолюбливала. Будучи лишь несколькими годами старше Эванджелины, она проработала у Уитстонов без малого десять лет и задирала нос, относясь к гувернантке с высокомерной снисходительностью. Вечно попрекала ее за незнание правил или за непонимание того, как тут все устроено.

Когда Эванджелина доверилась помощнику дворецкого, единственному своему союзнику во всем доме, сказав, что никак в толк не возьмет, чем заслужила столь явное презрение со стороны Агнес, тот в ответ лишь покачал головой:

– Ну же, не будь такой наивной. До твоего появления Агнес была здесь единственной свободной девушкой. А сейчас все внимание обращено на тебя – в том числе и молодого господина, который раньше амурничал с горничной, ну или ей так казалось. Да к тому же работа у тебя нетяжелая.

– Вот уж не согласна!

– Однако никакого сравнения с тем, чем занимается Агнес, так ведь? Мало радости от рассвета до заката стирать в щелоке белье да опорожнять ночные горшки. Тебе платят за то, что ты знаешь, а не за то, что просто спину гнешь. Неудивительно, что она на тебя взъелась.

Эванджелина поднялась с кровати и, осторожно обойдя лужицу, подошла к комоду. Взяв перстень с рубином, поднесла его к окну, с тревогой отмечая про себя, как он притягивает и преломляет свет. Оглядела комнату. Где же его спрятать? Под матрасом? Внутри наволочки? Открыв нижний ящик комода, девушка сунула перстень в карман старого платья, запрятанного под несколько вещей поновее.

По крайней мере, Агнес не обратила внимания на белый носовой платок, на котором лежал перстень. А ведь на нем в уголке были затейливо вышиты инициалы «С. Ф. У.», означавшие «Сесил Фредерик Уитстон» – и приметный фамильный герб. Эванджелина заткнула платок за пояс нижней юбки и принялась за уборку.

Миссис Уитстон неожиданно заявила в библиотеку, когда дети по очереди читали вслух букварь. Оба с удивлением подняли головы. Их мать не имела обыкновения ни с того ни с сего прерывать занятия.

– Мисс Стоукс, – непривычно повелительным тоном проговорила хозяйка, – прошу завершить урок по возможности безотлагательно и встретиться со мной в гостиной. Нед, Беатрис, – обратилась она к детям, – миссис Гримсби приготовила на сладкое кое-что особенное. Как только закончите, можете пройти на кухню.

Дети с любопытством переглянулись.

– Но мы всегда спускаемся на чай вместе с мисс Стоукс, – сказал Нед.

Мать скупой улыбнулась:

– Я совершенно уверена, что вы не заблудитесь.

– Мы наказаны? – уточнил мальчик.

– Разумеется, нет.

– А мисс Стоукс? – поинтересовалась Беатрис.

– Что за нелепый вопрос.

Эванджелина почувствовала укол безотчетного страха. А дети все не унимались:

– А что приготовила миссис Гримсби?

– Бисквитный кекс, да?

– Скоро сами узнаете. – И миссис Уитстон вышла из библиотеки.

Эванджелина глубоко вздохнула.

– Давайте-ка все же закончим этот раздел, хорошо? – проговорила гувернантка несколько рассеянно, да и брат с сестрой все равно уже отвлеклись на мысли о кексе. Стоило Неду нарасспев дочитать свой абзац про лодки, она улыбнулась и сказала: – Ну хорошо, дети, достаточно. Можете бежать пить чай.

А сама отправилась в гостиную.

Там Эванджелину ждал сюрприз: рубиновый перстень, сверкавший в сиянии светильников на китовом жире внутри сумрачной гостиной. Миссис Уитстон держала его перед собой на вытянутой руке, словно находку, добытую во время игры в поиски сокровищ.

– Откуда он у тебя? – Хозяйка отбросила церемонии и перешла на «ты».

Гувернантка скрутила уголок своего фартука – старая детская привычка.

– Я не крада его, если вы на это намекаете.

– Я ни на что не намекаю. Я задаю тебе вопрос.

Услышав шум за спиной, Эванджелина обернулась и вздрогнула при виде констебля, стоявшего в тени за креслом. Глаза выхватили из полумрака вислые усы, черный облегающий жилет и дубинку в кобуре; в руках у полицейского были блокнот и карандаш.

– Сэр, – проговорила девушка, приседая в книксене. Сердце ее билось так громко, что она боялась, как бы блюститель порядка не услышал его стук.

Констебль склонил голову, делая в блокноте какую-то пометку.

– Это кольцо было обнаружено в твоих вещах, – сказала миссис Уитстон.

– Вы... Вы обыскивали мою комнату?

– В этом доме ты находишься в услужении. У тебя нет здесь своей комнаты.

Эванджелине было нечего на это возразить.

– Агнес заметила кольцо на комодке, когда заходила, чтобы справиться о твоём самочувствии. Не станешь же ты это отрицать. А потом ты его спрятала. – Снова выставив перед собой украшение, миссис Уитстон посмотрела мимо Эванджелины на констебля. – Этот перстень – собственность моего мужа.

– Неправда. Он принадлежит Сесилу, – вырвалось у Эванджелины.

Констебль переводил взгляд с одной женщины на другую:

– Сесилу? А кто это?

Хозяйка бросила на гувернантку косой взгляд:

– Молодой мистер Уитстон. Мой пасынок, сын мужа от первого брака.

– Вы согласны с тем, что это перстень вашего пасынка? – Когда констебль говорил, его усы под носом-картошкой подергивались.

Миссис Уитстон с натянутой улыбкой ответила:

– Ну, это фамильная драгоценность, ранее принадлежавшая моей покойной свекрови. Пожалуй, можно поспорить относительно того, кто унаследовал перстень – мой муж или его старший сын. Но мисс Стоукс совершенно точно не имеет к кольцу никакого отношения.

– Сесил мне его подарил, – возразила Эванджелина.

И вспомнила, как всего несколькими днями ранее молодой человек вытащил из кармана маленькую, обтянутую синим бархатом коробочку и положил ей на колено:

– Открой.

Девушка удивленно на него посмотрела. Судя по всему, внутри находилось кольцо. Неужели? Немыслимо, конечно, и все же... Она позволила мелькнуть проблеску надежды. Разве Сесил не уверял ее постоянно, что она красивее, очаровательнее, умнее любой женщины его круга? Разве не твердил, что плевать хотел на то, что скажут его родственники и высшее общество?

Эванджелина открыла крышку, и у нее аж дыхание перехватило: золотой ободок тонкой и богатой работы, с четырьмя лапками, удерживающими багровый камень.

– Это рубин моей бабушки, – пояснил молодой человек. – Она оставила мне его после своей смерти.

– Ах, Сесил. Он просто великолепен. Так, значит, ты...

– О, нет-нет! Давай не будем спешить, – перебил он ее со смешком. – Пока мне вполне достаточно видеть его на твоей руке.

Когда Сесил извлек перстень из коробочки и надел его Эванджелине на палец, этот жест показался ей одновременно будоражаще интимным и странным образом сковывающим. Она никогда еще не носила колец; ее покойный отец, викарий, придерживался на сей счет пуританских взглядов. Сесил мягко склонил голову к руке девушки и приник к ней в поцелуе. Потом защелкнул бархатную коробочку, сунул ее в карман жилета и вытащил белый носовой платок:

– Заверни в него кольцо и спрячь подальше, пока я не вернусь с отдыха. Пусть это будет нашей с тобой тайной.

Эванджелина вынырнула из приятных воспоминаний и вновь оказалась в гостинной, в компании констебля.

Миссис Уитстон презрительно фыркнула:

– Какая нелепость! Да с какой такой стати Сесилу вдруг дарить тебе... – И умокла. Впилась в гувернантку пристальным взглядом.

Эванджелина сообразила, что сболтнула лишнее. «Пусть это будет нашей с тобой тайной». Но Сесил сейчас далеко. А она чувствовала себя загнанной в угол, пребывала в отчаянии. И, защищаясь, выдала самый что ни на есть настоящий секрет.

– А где молодой мистер Уитстон находится в данное время? – спросил констебль.

– За границей, – отозвалась миссис Уитстон одновременно с Эванджелиной, ответившей: «В Венеции».

– Можно попробовать с ним связаться, – продолжил полицейский. – У вас есть его адрес?

Хозяйка покачала головой:

– В этом нет необходимости. – И, скрестив на груди руки, добавила: – И так ясно, что девушка лжет.

Констебль поднял бровь:

– Подобные случаи уже бывали?

– Не имею представления. Мисс Стоукс прослужила у нас всего несколько месяцев.

– Пять, – уточнила Эванджелина. Собравшись с силами, она повернулась к полицейскому. – Я прикладывала все усилия, чтобы дать детям миссис Уитстон надлежащее воспитание. Поверьте, я не воровка, а порядочная девушка. Меня никогда еще не обвиняли ни в каких постыдных поступках.

– Это она так говорит, – издав сухой смешок, заметила миссис Уитстон.

– Слова мисс Стоукс довольно легко проверить, – сказал констебль.

– Я не крада этот перстень, – настаивала Эванджелина. – Клянусь.

Блюстителю порядка постучал карандашом по блокноту:

– Я записал, мисс, что вы отрицаете свою вину.

Миссис Уитстон смерила гувернантку холодным оценивающим взглядом.

– По правде говоря, у меня уже некоторое время тому назад возникли определенные подозрения насчет этой девушки. Она приходит и уходит в неурочное время. Вечно скрывается. Со служанками не общается, держится особняком. Теперь понятно почему. Украла фамильную драгоценность и решила, что это сойдет ей с рук.

– Вы готовы дать соответствующие показания, мэм?

– Безусловно.

У Эванджелины внутри все оборвалось.

– Прошу, – взмолилась она, обращаясь к констеблю, – давайте подождем до возвращения Сесила!

Миссис Уитстон сердито на нее взглянула:

– Я не потерплю столь неуместную фамильярность. Для тебя он не Сесил, а мистер Уитстон.

Констебль дернул усами:

– Полагаю, у меня есть вся необходимая информация, мисс Стоукс. Пока можете идти. Мне надо задать еще несколько вопросов хозяйке дома.

Эванджелина беспомощно переводила взгляд с одного лица на другое. Миссис Уитстон вздернула подбородок.

– Подожди у себя в комнате. Вскоре я за тобой пришлю.

Если у Эванджелины и были какие-то сомнения относительно всей тяжести ее нынешнего положения, то они довольно быстро разрешились.

Спускаясь по лестнице к помещениям для прислуги, она повстречала разных работников, служивших в доме, и все они либо сухо ей кивали, либо отводили глаза. Помощник дворецкого скривился в улыбке. Когда Эванджелина проходила мимо располагавшейся на площадке между двух лестничных пролетов комнаты, которую Агнес делила с другой горничной, дверь отворилась и из нее вышла Агнес. Увидев Эванджелину, девушка сильно побледнела и попыталась прошмыгнуть мимо, но гувернантка схватила ее за руку.

– Ты чего это творишь? – прошипела Агнес. – А ну пусти!

Эванджелина быстро оглядела площадку и, никого не заметив, затолкнула Агнес обратно в комнату и закрыла за собой дверь.

– Это ты забрала тот перстень из моей спальни. У тебя не было никакого права так поступать.

– Никакого права вернуть хозяевам краденое? Вот уж нет, это был мой неременный долг.

– Перстень вовсе не краденый. – Эванджелина вывернула Агнес руку, заставив горничную поморщиться. – И ты сама это прекрасно знаешь.

– Ничего я не знаю, кроме того, что видела собственными глазами.

– Мне его подарили.

– А говорила: фамильная драгоценность. Врунья.

– Мне его и вправду подарили.

Агнес высвободила руку.

– «Мне его и вправду подарили», – передразнила она. – Глупая твоя голова. То, что перстень у тебя нашли, – это еще полбеды. Ты же понесла, дуреха. – Агнес рассмеялась при виде озадаченного выражения на лице Эванджелины. – Что, не ожидала? Слишком невинная, чтобы догадаться самой, да, видать, не шибко порядочная, коли в постель к мужикам прыгаешь.

«Понесла». Стоило этому слову вылететь изо рта Агнес, как Эванджелина сразу поняла, что горничная права. Тошнота, необъяснимая слабость в последнее время...

– А я всего лишь... Как это говорится?.. Ага, уведомила обо всем хозяйку дома. Вот! – с чопорным самодовольством заявила Агнес.

Бархатный, обволакивающий голос Сесила. Нежные слова и комплименты. Его настойчивые пальцы и ослепительная улыбка. Ее собственная слабость, легковёрность, наивность. Какой же она была жалкой и глупой. Как могла позволить так себя скомпрометировать? У бедной девушки нет ничего, кроме доброго имени. А теперь у нее и этого не осталось.

– Что, вечно задирала нос, не желала водить с нами дружбу, думала, будто лучше остальных? Как бы не так! Ну и поделом тебе, – проговорила Агнес, протягивая руку к двери и открывая ее одним рывком. – Теперь уж все знают. В доме над тобой только ленивый не смеется. – Она направилась к лестнице, отгеснив гувернантку так грубо, что та ударилась спиной о стену.

Отчаяние волной поднялось в груди Эванджелины, наполняя ее с такой силой и скоростью, что этому чувству невозможно было противиться. Не раздумывая, девушка вышла вслед за Агнес на площадку и толкнула ее что было мочи. Со странным пронзительным взвизгом горничная полетела вниз головой по лестнице и свалилась бесформенной грудой у ее подножия.

Опустив глаза на Агнес, которая, пошатываясь, поднималась на ноги, Эванджелина почувствовала, как ярость внутри нее достигла пика и начала угасать, оставляя после себя слабую дрожь сожаления.

За считанные секунды на месте происшествия оказались дворецкий со старшим лакеем.

– Она... она пыталась меня убить! – выкрикнула Агнес, схватившись за голову.

Эванджелина, стоявшая наверху, на лестничной площадке, была зловеще, неестественно спокойна. Она разгладила передник, заправила за ухо тонкую прядь волос. словно бы наблюдая за происходящим со стороны, из зрительного зала, она отметила презрительную гримасу дворецкого и наигранные рыдания Агнес. Смотрела, как вокруг горничной суетится с воплями и визгом кухарка миссис Гримсби.

Эванджелина знала, что ее жизни на Бленхейм-роуд пришел конец – конец букварям, белому мелу, грифельным доскам, щебету Неда и Беатрис о бисквитном кексе, ее маленькой спальне с малюсеньким окошком. Горячему дыханию Сесила на шее. Не будет ни оправдания, ни искупления. Может, так оно и лучше – хватит уже быть безвольной жертвой. Теперь она хотя бы заслужила свою участь.

Пока в коридоре для прислуги, освещенном масляными лампами, два констебля надевали на преступницу наручники и ножные кандалы, полицейский с вислыми усами, прихватив свой блокнот, обходил всю прислугу.

– Она была ужасной тихоней, – говорила горничная так, будто Эванджелины уже не было в доме.

Все они, как ей представлялось, переигрывали, исполняя ожидаемые от них роли: слуги слишком уж возмущались, а полицейские чересчур важничали. Агнес, ясное дело, чувствовала себя на седьмом небе: внимание и явное сочувствие со стороны старших по положению вскружили ей голову.

На Эванджелине все еще было ее синее, камвольной шерсти платье с белым передником, какие полагается носить гувернанткам. Ничего больше ей взять с собой не разрешили. Поскольку руки у девушки были скованы спереди, а, переставляя ноги в кандалах, она могла передвигаться только мелкими шаркающими шажками, ей потребовалась помощь двух констеблей, чтобы преодолеть путь вверх по темной задней лестнице, к черному ходу для слуг на первом этаже. Им пришлось едва ли не на руках внести арестованную в тюремный экипаж.

Стоял холодный, дождливый мартовский вечер. В экипаже было промозгло и пахло, как ни странно, мокрой овчиной. Открытые окна были забраны вертикальными железными прутьями и лишены стекол. Эванджелина сидела на грубой деревянной доске-сиденье рядом с констеблем с вислыми усами и напротив двух других; те оба неотрывно смотрели на нее – то ли с похотью, то ли просто с любопытством, определить это девушка затруднялась.

Пока возница готовил лошадей, Эванджелина подалась вперед, чтобы бросить последний взгляд на дом. Возле большого окна, придерживая рукой отдернутую тюлевую занавеску, стояла миссис Уитстон. Едва бывшая гувернантка встретила с ней взглядом, как хозяйка отпустила занавеску и отошла вглубь гостиной.

Лошади дернулись и припустили. Эванджелина вжалась в сиденье, тщетно пытаясь занять такое положение, в котором кандалы не будут врезаться ей в щиколотки, а экипаж тем временем раскачивался и громыхал по булыжникам мостовой.

В тот день, когда она впервые прибыла на пролетке в Сент-Джонс-Вуд, тоже было холодно и моросил дождь. Стоя на крыльце кремово-белого дома номер 22 по Бленхейм-роуд – цифры были выполнены из черного металла, а покрытая киноварью дверь парадного входа блестела глянцем, – девушка глубоко вздохнула. В кожаном саквояже, который она сжимала в одной руке, лежало все ее нехитрое имущество: три муслиновых платья, две ночные сорочки и один чепчик, комплект нижнего белья, полотенце, щетка из конского волоса и маленькая коллекция книг – Библия отца с его рукописными пометками; ее собственные учебники по основам латыни, древнегреческого и математики; и изрядно потрепанное издание «Бури» Шекспира, единственной пьесы, которую Эванджелине довелось увидеть на сцене, в исполнении гастрوليрующей труппы, которая проезжала однажды летом через Танбридж-Уэллс.

Девушка поправила головной убор и позвонила в дверь, слушая раздавшуюся внутри дома трель.

Никакого ответа.

Она снова нажала на звонок. И только Эванджелина призадумалась, уж не перепутала ли она дни, как дверь открылась и в проеме показался молодой человек. Его карие глаза смотрели на гостью пылливо, с живым интересом. Темно-русые волосы, густые и слегка выющиеся, падали на воротник свободной белой рубашки. Ни шейного платка, ни фрака. Это явно был не дворецкий.

– Да? – нетерпеливо спросил он. – Чем могу помочь, мисс?

– Дело в том, что я... я... – Опомнившись, Эванджелина сделала книксен. – Простите, сэръ. Наверное, мне будет лучше вернуться позже.

Он придирчиво оглядел ее, как будто что-то прикидывая.

– Вас ожидают?

– Я полагаю, что да.

– Кто именно?

– Хозяйка дома, сэръ. Миссис Уитстон. Меня зовут Эванджелина Стоукс, я новая гувернантка.

– Вот как. Вы в этом твердо уверены?

– Что, п-простите? – запинаясь, переспросила она.

– Я и не подозревал, что у гувернанток бывают такие шикарные формы, – ответил молодой человек, широким жестом указывая на девушку. – Моя собственная гувернантка, помнится, выглядела совсем иначе. Чертовски несправедливо!

Эванджелина почувствовала себя невероятно глупо, как если бы играла роль в пьесе и позабыла слова. Будучи дочерью викария, она обычно стояла на шаг позади отца, приветствуя прихожан до и после службы или сопровождая его при посещениях больных и немощных. Она встречалась с самыми разными людьми: корзинщиками и колесниками, плотниками и кузнецами. Но с богачами общалась редко, поскольку те имели привычку молиться в собственных часовнях, в кругу равных себе по положению. Поэтому девушка не была знакома со скользким юмором представителей высших классов, да и опыта в словесных пикировках ей тоже явно не доставало.

– Я всего лишь немного пошутил, – улыбнулся молодой человек, протягивая Эванджелине руку, которую та осторожно приняла. – Разрешите представиться: Сесил Уитстон, сводный брат ваших подопечных. Позволю себе заметить, хлопот вы с ними не оберетесь. – Он распахнул дверь настежь. – Я тут вместо Тревора, который, вне всякого сомнения, выполняет очередную прихоть моей мачехи. Проходите, не стесняйтесь. Сам-то я уже отправляюсь по делам, но о вас доложу.

Когда девушка, стискивая в руке свой саквояж, зашла в выложенный черной и белой плиткой вестибюль, Сесил, вытянув шею, выглянул за дверь:

– А где остальной багаж?

– Всё здесь.

– Ну надо же. Стало быть, путешествуете налегке.

В этот миг в противоположном конце холла открылась дверь, из которой вышла, завязывая на ходу зеленый шелковый капор, темноволосая женщина лет тридцати пяти.

– А, Сесил! – воскликнула дама. – А это, должно быть, мисс Стоукс? – рассеянно улыбаясь, обратилась она к Эванджелине. – Я – миссис Уитстон. Боюсь, день сегодня выдался немного суматошным. Тревор помогает Мэтью запрячь лошадей, чтобы я могла съездить в город.

– В нашем доме никому скучать не приходится, мы все здесь работаем за двоих, – заговорщицки, как будто они были старыми друзьями, сообщил девушке Сесил. – Помимо обучения детей латыни, вас в скором времени наверняка приставят ощипывать гусей и начищать серебро.

– Что за глупости! – сказала миссис Уитстон, поправляя капор перед большим зеркалом в позолоченной раме. – Сесил, не сообщишь Агнес о том, что прибыла мисс Стоукс? – И, вновь повернувшись к Эванджелине, добавила: – Агнес проводит вас в вашу комнату. – Прислуга ужинает в пять часов. Если сможете заканчивать занятия с детьми вовремя, будете ужинать с ними. У вас несколько болезненный вид, моя дорогая. Почему бы вам не отдохнуть с дороги.

Не вопрос – предписание.

Когда миссис Уитстон удалилась, Сесил, хитро усмехаясь, повернулся к Эванджелине:

– «Болезненный вид»? Ха! А на мой взгляд, вы выглядите просто великолепно. – Он стоял к ней ближе, чем допускали правила приличия.

Сердце в груди девушки бешено колотилось, порождая незнакомые ей ощущения.

– Разве вам... ну... не следует сообщить Агнес, что я здесь? И вы вроде как собирались по делам?

Молодой человек, как будто призадумавшись, постучал себя пальцем по подбородку. А затем сказал:

– Дела могут и подождать. Давайте я сам вам все покажу. Мне это будет в удовольствие. Хотите, стану вашим провожатым?

Не раз и не два потом Эванджелина спрашивала себя: насколько иначе бы все могло обернуться, последуй она тогда указаниям миссис Уитстон – или, если уж на то пошло, собственному здравому смыслу? Неужто она не понимала, что почва под ее ногами столь зыбка, что готова обвалиться при малейшей оплошности?

Ну, да что уж теперь говорить. Так или иначе, все случилось как случилось. Улыбнувшись Сесилу, девушка поправила выбившуюся из пучка прядь волос и ответила:

– Это было бы чудесно.

Сейчас, сидя в продуваемом насквозь экипаже, она сдвинула сцепленные наручниками запястья влево и осторожно погладила украшенный монограммой носовой платок, который был спрятан у нее под нижней юбкой. Пальцами одной руки обвела его едва угадываемые очертания, воображая себе, что может нащупать вышитые инициалы Сесиля, вплетенные в фамильный герб Уитстонов, на котором были изображены лев, змея и корона.

Это все, что у Эванджелины осталось, навсегда останется от Сесиля. Не считая, по-видимому, его ребенка, которого она носит под сердцем.

Экипаж двигался на запад, к реке. Полицейские упорно хранили молчание. Девушка очень замерзла и, не отдавая себе отчета в том, что делает, инстинктивно, просто желая согреться, придвинулась поближе к сидящему рядом констеблю. Глянув на арестованную сверху вниз, он презрительно скривил рот и демонстративно отодвинулся к окну.

Эванджелину покорило его отношение. Впервые в жизни она столкнулась с проявлением брезгливости со стороны мужчины. Прежде девушка как должное воспринимала знаки внимания от представителей сильного пола, мелкие проявления доброты и заботы: мясник предлагал ей лучшие куски мяса, а булочник приберегал последнюю буханку хлеба.

Она с ужасом поняла, что теперь ей предстоит испить чашу до дна, на собственной шкуре испытать, каково это – удостаиваться презрения.

Ньюгейтская тюрьма, Лондон, 1840 год

Ничего похожего на эту часть Лондона Эванджелина еще не видела. Воздух, густой от дыма, выделяющегося при сжигания угля, отдавал конским навозом и гнилыми овощами. Женщины в изношенных до лохмотьев шалах празднично торчали под масляными фонарями; мужчины толпились у костров, разведенных в бочках; дети – даже в столь поздний час – шныряли через дорогу тут и там, роясь в мусоре, покрикивая друг на друга и оживленно обсуждая и сравнивая свои находки. Эванджелина прищурилась в попытке разглядеть, что же они держали в руках. Неужели это?.. Ну да, так и есть. *Кости*. Она слышала об этих детях, зарабатывающих гроши на сборе костей животных: их потом обращали в пепел и перемешивали с глиной, чтобы сделать из этой смеси керамику, которую леди выставляли в своих буфетах. Быть может, еще несколькими часами ранее Эванджелина и ощутила бы жалость; сейчас же она чувствовала только тупое онемение.

– А вот и он, – проговорил один из констеблей, указывая рукой в окно. – Каменный мешок.

– Каменный мешок? – Она подалась вперед, вытянув шею.

– Ньюгейтская тюрьма, – ухмыльнулся полицейский. – Твой новый дом.

В низкосортных книжках, продававшихся по пенни за штуку, Эванджелина читала рассказы об опасных преступниках, заточенных в Ньюгейте. И вот она перед ним, хорошо охраняемым зданием в квартал длиной, притаившимся в тени собора Святого Павла. Когда они подъехали ближе, девушка увидела, что выходящие на улицу окна были странным образом пусты. И только когда кучер прикрикнул на лошадей и с силой дернул за поводья перед высокими черными воротами, она поняла, что окна эти были нарисованными, ненастоящими.

Небольшая толпа зевак, отиравшихся у входа, обступила экипаж.

– Охотники до чужого горя, – сказал констебль с вислыми усами. – И как им это только не надоедает?

Один за другим все трое констеблей вылезли наружу, выкрикивая в толпу предупреждения не приближаться. Эванджелина сидела, скорчившись в тесном экипаже, пока один из полицейских не махнул ей нетерпеливо рукой: мол, пошевеливайся. Она доковыляла до порожка, и мужчина грубо дернул ее за плечи. Когда бедняжка, споткнувшись, выпала из экипажа, он подхватил ее как мешок с рисом и стряхнул на землю. Щеки девушки пылали от стыда.

Пока Эванджелина возвращала себе устойчивое положение, ее в упор рассматривали дети с широко распахнутыми от любопытства глазами и взрослые с кислыми лицами.

– Стыд и позор, – прошипела какая-то женщина. – Да смилуется Господь над твоей грешной душой.

Констебль толкнул арестантку по направлению к железным воротам, где их малочисленную группу встретили двое стражников. Когда Эванджелина, мелко переступая, уже заходила внутрь в сопровождении конвоирующих ее с обеих сторон охранников и следующих позади констеблей, она подняла глаза и увидела слова, начертанные на солнечных часах над арочным сводом проема: «*Venio Sicut Fur*». Большинство заключенных, проходящих через ворота, скорее всего, не догадывались, что означает эта латинская надпись, но Эванджелина была не из их числа. «Иду как тать»⁵.

Ворота, лязгнув, захлопнулись. Она услышала сдавленные звуки, похожие на мяуканье кошек в мешке, и склонила голову набок, прислушиваясь.

– А, это остальные потаскухи, – пояснил ей стражник. – Скоро и ты к ним отправишься.

⁵ Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис), 16: 15.

Потаскухи! Эванджелину передернуло.

К ним спешил невысокий худощавый мужчина. На поясе у него красовалось большое кольцо, с которого, напоминая огромные подвески, свисали ключи.

– За мной, – велел он. – Только арестантка и вас двое.

Эванджелина, констебль с вислыми усами и один из стражников последовали за ним: пересекли большое помещение, которое служило тут холлом, и преодолели несколько пролетов вверх по лестнице. Из-за кандалов девушка передвигалась медленно; стражник то и дело подгонял ее, тыкая в спину дубинкой. Они пробрались сквозь запутанный лабиринт коридоров, тускло освещенных масляными светильниками, которые свисали с толстых каменных стен.

Тюремщик остановился перед деревянной дверью с двумя замками. Перебрав ключи, нашел нужные и отпер сначала верхний замок, а потом нижний. Распахнул дверь в комнатушку, где обнаружили только дубовый стол и стул, да еще высоко на стене горела лампа. Он пересек крохотное помещение и постучал в другую дверь, поменьше:

– Прошу прощения, госпожа надзирательница. Доставлена новая заключенная.

Некоторое время ответа не было. Потом раздалось тихое:

– Минутку.

Они стали ждать. Мужчины переговаривались между собой, прислонившись к стене. Закованная в цепи Эванджелина неуверенно переминалась с ноги на ногу посередине комнаты. У нее намokли от пота подмышки, кандалы натерли щиколотки, а в животе урчало – она с утра ничего не ела.

Спустя некоторое время дверь отворилась. Надзирательница до их прихода явно спала. Ее лицо с резкими чертами было изборождено морщинами, а седеющие волосы забраны в небрежный узел. Одета она была в выцветшее черное платье.

– Ну что, приступим, – раздраженно проговорила женщина. – Арестантку уже обыскали?

– Нет, мэм, – отозвался стражник.

Она махнула рукой в его сторону:

– Займитесь.

Он грубо провел руками по плечам Эванджелины, вдоль боков, сунул их ей под мышки и даже, быстрым движением, между ног. Девушка порозовела от смущения.

Когда констебль кивнул надзирательнице, та прошла к столу, зажгла свечу и опустилась на стул. Открыла большую амбарную книгу, испещренную записями, сделанными бисерным почерком. И спросила:

– Имя?

– Эван...

– Не вы, – прервала ее женщина, не поднимая головы. – Вы утратили свое право говорить. Эванджелина закусила губу.

Констебль извлек из внутреннего кармана жилета листок бумаги и взгляделся в него.

– Имя?.. Так... Эванджелина Стоукс.

Надзирательница обмакнула перо в чернильницу и заскрипела им по странице толстой учетной книги.

– Замужем?

– Нет.

– Возраст?

– Э-э-э... сейчас поглядим. Вроде как двадцать два. Или пока еще не исполнилось?

– Посмотрите хорошенько. Сколько ей полных лет?

– Здесь говорится, что она родилась в августе, а сейчас у нас март. Выходит... ей двадцать один.

Надзирательница резко подняла голову, ее перо застыло над бумагой.

– Выражайтесь точнее, констебль, иначе мы всю ночь здесь проторчим. В чем обвиняется? Постарайтесь изложить покороче.

Он откашлялся.

– Видите ли, мэм, там не одно правонарушение.

– Начните с самого тяжкого.

Он вздохнул.

– Ну... Во-первых... ей вменяется в вину серьезное преступление. Гнуснее и не придумать.

– А именно?

– Покушение на убийство.

Надзирательница вздернула бровь и посмотрела на Эванджелину.

– Я не... – начала было та.

Женщина выставила перед собой ладонь. Потом опустила глаза, продолжая писать в книге.

– Кого она пыталась убить, констебль?

– Горничную, которая находится в услужении у... э-э-э, – он пошарил взглядом по листку, – у Рональда Уитстона, проживающего по адресу: Сент-Джонс-Вуд, Бленхейм-роуд, дом двадцать два.

– Способ покушения?

– Мисс Стоукс столкнула ее с лестницы.

Надзирательница подняла голову. И уточнила:

– Жертва... не пострадала?

– Похоже на то. Перепугалась страшно, но в целом... полагаю, что нет, не пострадала.

Краем глаза Эванджелина заметила смутное шевеление в том месте, где пол соединялся со стеной: из трещины в плинтусе, с трудом протискиваясь в щель, вылезала тощая крыса.

– Так, с этим разобрались. Что еще?

– В комнате мисс Стоукс была обнаружена фамильная драгоценность, принадлежащая хозяину дома.

– Какая именно драгоценность?

– Перстень. Золотой. С очень дорогим камнем. Рубином.

– Мне его подарили, – вырвалось у Эванджелины.

Надзирательница опустила перо.

– Мисс Стоукс, вам уже было сделано два замечания.

– Простите. Но...

– Вы больше не произнесете ни слова, если только к вам не обратятся напрямую. Ясно?

Девушка с несчастным видом кивнула. Смятение и беспокойство, весь день придававшие ей собранности, уступили место опустошающей апатии. Эванджелина почти отстраненно подумала, не упадет ли сейчас в обморок. Может, и упадет. Надо полагать, милосердное забыть будет лучше всего этого ужаса.

– Стало быть, нападение и кража, – подытожила надзирательница, не поднимая головы от бумаг. – Это все вменяемые ей преступления, констебль?

– Да, мэм. А еще она... тяжести.

– Понятно.

– Нагуляла ребенка, мэм.

– Я поняла, что вы имели в виду, констебль. – Женщина подняла на него глаза. – Таким образом, мисс Стоукс обвиняется в покушении на убийство и похищении имущества?

Полицейский кивнул.

– Хорошо, – вздохнула она. – Можете идти. Я сама сопровожу заключенную в камеру.

Как только мужчины друг за другом покинули комнату, надзирательница склонила голову в сторону Эванджелины.

– Надо думать, тяжелый у тебя нынче выдался денек. Не хочу тебя расстраивать, но дальше будет еще хуже.

Эванджелина ощутила прилив благодарности. Впервые за весь день к ней кто-то отнесся почти по-доброму. На глаза навернулись слезы, и, хотя девушка запретила себе плакать, они все равно побежали по щекам. Скованными руками их было не вытереть. Некоторое время в комнате слышались только ее сдавленные рыдания.

– Мне придется отвести тебя вниз, – наконец проговорила надзирательница.

– Все было совсем не так, как он сказал, – всхлипнула Эванджелина. – Я... я не...

– Не сотрясай воздух попусту. Мое мнение здесь ровным счетом ничего не значит.

– Но мне очень не хочется, чтобы... чтобы вы обо мне дурно думали.

Ее собеседница сухо рассмеялась:

– Ох, девонька. Непривычная, видать, ты ко всему этому.

– Так и есть. Совсем непривычная.

Отложив перо и закрыв амбарную книгу, надзирательница поинтересовалась:

– Снасильничали тебя?

– Что, простите? – непонимающе переспросила Эванджелина.

– Тот мужчина взял тебя силой?

– А-а. Нет. Нет.

– Значит, по любви, да? – Надзирательница со вздохом покачала головой. – Обманул он тебя? Ну что ж, на собственной шкуре убедились, что мужикам верить нельзя. Да и бабам, по правде говоря, тоже: полагаться в этой жизни можно только на себя. Чем раньше ты это поймешь, тем лучше. Вот так-то, девонька.

Она пересекла комнату, открыла шкаф и достала оттуда два куска коричневой мешковины, деревянную ложку и оловянную кружку. Обмотав тканью ложку с кружкой, затянула узел бечевкой, а получившуюся петлю надела на связанные руки Эванджелины. Потом взяла со стола подсвечник, вытащила из выдвижного ящика связку ключей и сделала арестованной знак следовать за собой.

– На вот, – сказала надзирательница, когда они вышли в коридор, – возьми! – И протянула Эванджелине горящую свечку, которую та неловко держала, капая расплавленным воском на большие пальцы, пока женщина запирала замки.

От дешевой сальной свечи сильно пахло бараньим жиром: Эванджелина видела такие, когда сопровождала отца, навещавшего бедных прихожан.

Они прошли вниз по коридору, мимо шипящих светильников, и спустились по лестнице. У главного входа надзирательница повернула налево, в открытый внутренний двор. Эванджелина проследовала за ней, стараясь не поскользнуться в темноте на сырых булыжниках и прислушиваясь к стонам продажных женщин. Ей хотелось приподнять подол, но из-за наручников сделать это не представлялось возможным. Намокшие юбки шлепали по голым щиколоткам. Свеча освещала только несколько футов впереди, пройденный путь скрывала тьма. По мере приближения к противоположной стороне двора крики становились все громче.

Должно быть, Эванджелина и сама издала какой-то звук, вероятно, всхлипнула от жалости к себе, потому что ее провожатая бросила взгляд через плечо и сказала:

– Ничего, привыкнешь.

Еще один пролет вниз, потом короткий коридор. Надзирательница остановилась перед черной железной дверью, верхняя половина которой была забрана кривой решеткой, и снова передала девушке свечку. Выбрав ключ из связки, поочередно вставила его в три разных замка, после чего распахнула дверь в темный проход.

Эванджелина застыла на месте, едва не задохнувшись от невероятного смрада. Он пробудил в ней давнее воспоминание: скотобойня в Танбридж-Уэллсе, куда она однажды случайно забрела и поклялась, что никогда больше и ногой не ступит. Женщин в камерах она не видела, но слышала. Бормотание и стоны. Жалобный плач младенца и кашель, похожий на собачий лай.

– Поживей, – велела надзирательница.

Только слабый огонек свечи освещал им путь по узкому коридору, по обе стороны которого находились камеры. Пока они шли мимо них, раздавался стук палок по железным решеткам на дверях: тук-тук-тук. Чьи-то пальцы дотрагивались до волос Эванджелины, хватали ее за передник. Она вскрикнула и дернулась вправо, влетев плечом в каменную стену.

– Погляди, какая штучка, – жеманно проговорил женский голос.

– Это платишко еще недолго чистеньким пробудет.

– И в чем же ты провинилась, красотка?

– Эй, тебя спрашивают: чего натворила?

Надзирательница резко остановилась перед одной из камер. Не говоря ни слова, снова передала Эванджелине свечу и отперла дверь. Послышались шорохи и бормотание находящихся внутри женщин.

– Потеснитесь, – велела надзирательница.

– Так некуда тесниться.

– Мэм, тут у нас валяется одна. Хворала страшно. Теперь уж вконец околела.

– Место только занимает.

Надзирательница вздохнула.

– Перетащите ее в угол. Я пришлю кого-нибудь утром.

– Жрать охота!

– Параша полная.

– Отведите новенькую куда-нибудь в другое место, у нас тут и так полна коробочка!

– Еще чего! Заходи! – Надзирательница повернулась к Эванджелине. – Приподними юбки, я сниму кандалы. – Перед тем как опуститься на колени, она дотронулась до дрожащей руки девушки и произнесла тихим голосом: – Они что брехливые собаки: только лаять и горазды. Постарайся поспать.

Заходя внутрь в темноте, Эванджелина сослепу запнулась о каменный уступ порога и повалилась головой вперед, угодив в тесное скопление женщин и ударившись плечом о пол.

Раздался хор возмущенных голосов, посыпались оскорбления:

– Сдурела, что ли?

– Смотри, куда прешь, балда!

– Вставай давай, недотепа!

Ей отвесили ощутимый пинок по ребрам.

С трудом поднявшись на ноги и растирая освобожденные от наручников кисти, Эванджелина стояла у двери камеры и смотрела, как слабый огонек свечи в руках надзирательницы уплывает от нее по длинному коридору. Когда дверь на другом конце с лязгом захлопнулась, она вздрогнула. Единственная во всей камере.

Одно маленькое закоптелое окошко, высокое и зарешеченное, впускало внутрь тусклый лунный свет. Когда глаза обвыклись, Эванджелина осмотрелась. В помещении размером приблизительно с гостиную Уитстонов теснились десятки женщин. Каменный пол был покрыт спутанной соломой.

Девушка обессиленно привалилась к стене. От идущего от пола запаха – металлического душка крови, кислой вони рвоты, смрада человеческих экскрементов – ее замутило и, когда в горле поднялась желчь, согнуло пополам и вывернуло на солому.

Сокамерницы рядом попятились, ворча и покрикивая:

– Вот же паскудная девица, нагадила тут!

– Тьфу, мерзость какая!

Вытерев рот рукавом, Эванджелина успела пробормотать: «Прости...» – прежде чем извергнуть то небольшое, что еще оставалось у нее в желудке. При виде этого женщины вокруг повернулись к ней спиной. Бедняжка закрыла глаза и повалилась на колени, оглушенная и до смерти уставшая, измарывая платье в собственной рвоте.

Спустя некоторое время девушка поднялась. Развязала узелок, выданный ей надзирательницей, и спрятала оловянную кружку с деревянной ложкой в карман передника. Расстелила на склизкой соломе один из кусков мешковины, подоткнула нижние юбки себе под колени и, опустившись на пол, осторожно легла на слишком маленький прямоугольник ткани. Только этим утром она лежала на своей собственной кровати, в своей собственной комнате, мечтая о будущем, которое казалось таким близким, что оставалось только протянуть руку. Теперь все это в прошлом. Слушая, как вокруг нее сопят и похрапывают, кряхтят и вздыхают сокамерницы, Эванджелина погрузилась в странное состояние полусна-полуяви – даже в дреме сознавая, что редкий ночной кошмар может сравниться с тем ужасом, с которым она столкнется, когда откроет глаза.

Ньюгейтская тюрьма, Лондон, 1840 год

Дверь в конце коридора с лязгом открылась, и Эванджелина тяжелым усилием выпростала себя из сна. Она не сразу вспомнила, где находится. Покрытые копотью камни, сочащиеся влагой; жалкие группки женщин; обрастающая ржавчиной железная решетка; рот будто забит ватой; нижние юбки стоят колом и отдают кислым душком...

Как же отрадно было забыться.

Утро выдалось самым что ни на есть обычным: сквозь окошко сверху с трудом пробивался мутный свет. Ухватившись за перекладину, девушка рывком оторвала себя от пола и выпрямила затекшую спину. В углу стояло вонючее ведро с нечистотами. Снова раздалось тук-тук-тук, и сейчас она увидела источник звука: это женщины ударяли своими деревянными ложками по железной решетке и стенам.

Перед их камерой появились два стражника с ведром.

– А ну, выстроились! – выкрикнул один, пока другой отпирал дверь.

Эванджелина смотрела, как он опустил черпак в ведро и выплеснул его содержимое в кружку, протянутую заключенной. Пошарив в кармане фартука, девушка вытащила свою помятую кружку и перевернула ее вверх дном, чтобы вытряхнуть сор. Несмотря на полный мочевого пузыря, тошноту и ноющие руки и ноги, она протолкалась вперед – голод брал свое.

Когда стражник наполнил ее кружку, Эванджелина попыталась поймать его взгляд. Неужели он не увидит, что у нее нет ничего общего с этими жалкими бедолагами, лица которых почернели, как у угольщиков?

Однако он даже мельком на нее не взглянул.

Эванджелина отступила назад и глотнула водянистой овсянки, холодной и безвкусной, вернее, прогорклой. Желудок попытался взбунтоваться, но она усилием воли подавила приступ тошноты.

Старающиеся не выронить из рук чашку женщины и плачущие дети, наталкиваясь друг друга, тянулись за размазней, подсовывали свою посуду стражникам. Некоторые, правда, держались в стороне: они были слишком больны или совершенно пали духом, чтобы пробиваться к двери. Одна узница – наверное, та самая, о которой прошлым вечером сказали надзирательнице – вообще не шевелилась. Эванджелина скользнула по ней обеспокоенным взглядом.

Да, она запросто может оказаться мертвой.

После того как стражники ушли, унеся с собой не подающую признаков жизни арестантку, в камере стало тихо. В одном углу заключенные, сбившись в тесную кучку, играли в карты, которыми, похоже, служили вырванные из Библии страницы. В другом углу женщина в вязаной шапочке гадала по руке. Девушка, на вид не старше пятнадцати, баюкала на груди младенца, мурлыча знакомый Эванджелине мотив: «Я оставила малютку на пригорочке, а сама пошла чернику собирать...» Она слышала, как женщины в Тайнбридж-Уэллс пели эту странную шотландскую колыбельную своим детям. В ней описано отчаяние матери, которая, вернувшись, обнаружила, что ее ребенок пропал: «Прямо разом мое сердце оборвалось, неужели моя крошка потерялась?» Однако все поиски бедной женщины оказываются тщетными: «Осмотрела каждую травиночку, да так и не нашла свою кровиночку...» Сейчас эта колыбельная, явно написанная в назидание молодым матерям и служившая им предупреждением не спускать глаз со своих малышей, показалась Эванджелине беспощадно зловещей, точно предчувствие некоей почти невыносимой утраты.

Эванджелина почувствовала грубый тычок в спину:

– А ну, колись! Признавайся, чего ты такое натворила?

Она обернулась и увидела перед собой краснощекую, изрядно раздавшуюся в талии женщину, по меньшей мере лет на пять или шесть старше себя, с коротко стриженными светлыми пушистыми волосами и вздернутым носом.

Эванджелину так и подмывало ответить, что нечего лезть в чужие дела, однако в последнее время импульсивность сослужила ей скверную службу. Поэтому она лишь вежливо поинтересовалась:

– А вы в чем провинились?

Женщина ослабилась, обнажив ряд мелких и желтых, как зернышки кукурузы, зубов, одного из которых, на самом видном месте, недоставало.

– Я? Да забрала то, что мне причиталось, у одного гада, который не заплатил, как обещал. – Она похлопала себя по животу. – Мерзавец скоро станет папашей, да вот только узнать ему об этом уже не придется. – И, хитро подмигнув, добавила: – Издержки профессии. Рано или поздно все равно этим бы закончилось. Хорошо хоть не мутит больше. – Передернула плечами и pokrutila пальцами у живота Эванджелины. – И у тебя тоже скоро пройдет. Чтоб ты знала.

– Я знаю, – сказала Эванджелина, хотя это было не так.

– Ну и как же тебя зовут? – И, поскольку ее собеседница замешкалась, женщина представилась первой: – Меня Олив.

– А я Эванджелина.

– Эванджели-и-ина, – повторила Олив с неподражаемой интонацией. – Фу-ты ну-ты. Имечко-то какое затейливое!

Разве? Имя ей выбрал отец; он, помнится, объяснял, что оно происходит от древнегреческого слова «евангелион», которое буквально означает «благая весть». Кстати, «Евангелие» от того же корня.

– Затейливое? Мне так не кажется. Имя как имя.

Олив пожала плечами.

– Не важно, здесь все на равных. Меня вот приговорили к ссылке в Австралию. Дали семь лет, но, судя по слухам, это все равно что пожизненное. А тебе какое наказание определили?

Эванджелина вспомнила, что ей не раз доводилось читать в газетах небольшие заметки об отпетых злодеях – исключительно мужчинах, как она считала – каторжниках, которых на специальных кораблях отправляют в Австралию. Изгоняя убийц и прочих отступников на край света, на другой конец земли, Британские острова избавлялись от самых отъявленных преступников. Девушка с замиранием сердца, со сладким ужасом представляла себе все это, включая сопутствующие подробности, странные и невероятные, точно сюжеты из античной мифологии: неприятные лагеря и работные дома, высеченные в скальной породе бог знает где, отделенные от цивилизации многими милями бесплодных пустынь и смертельно опасными хищниками.

Эванджелина никогда не испытывала жалости к этим изгнанникам. В конце концов, они ведь сами во всем виноваты, разве нет? Тоже, по сути дела, хищники.

– А меня пока еще к судье не вызывали, – сказала она.

– Что ж, кто его знает – может, тебя никуда и не отправят. Ты ведь никого не убила, а?

Зачем же так кричать? Эванджелина предпочла бы, чтобы Олив говорила потише. Помедлив, она отрицательно мотнула головой.

– Украла что-то? – продолжала расспросы новая знакомая.

Девушка вздохнула и решила не рассказывать всю правду.

– Меня обвинили – несправедливо обвинили – в краже кольца.

– Вот оно что. Дай-ка угадаю. – Переплетя пальцы, Олив хрустнула костяшками. – Один гад подарил его тебе в обмен на кое-какие услуги. А потом открестился.

– Да нет же! Не было никакого обмена на... – Ведь не было? – И вовсе он не открестился. Просто он... в отъезде. Меня обвинили в его отсутствие.

– Ну-ну. А твой красавец знает, что ты с начинкой?

Эванджелина никогда прежде не слышала этого выражения, но без труда догадалась, что оно означает. И отрицательно покачала головой.

Олив потерла большим пальцем подбородок, потом смерила собеседницу взглядом.

– Что, небось в гувернантках ходила?

Неужели ход ее печальной истории столь предсказуем?

– А как вы догадались?

Подняв руку ко рту, Олив растопырила пальцы.

– Да по тому, как ты говоришь. Так только в книжках пишут. А на благородную вроде не похожа. Хотя и образованная... Жалко, что ум-то у тебя к жизни не приспособлен, Эванджели-и-ина. – Женщина покачала головой и отвернулась.

Как Эванджелине было хорошо известно по отцовским проповедям, величайшим достоинством девушки является ее целомудрие. Хотя мужчины более развиты почти во всем – они умнее, рассудительнее, сильнее и находчивее, – за ними также наблюдается склонность к легкомыслию и порывистости. Долг женщины, как всегда говорил отец, заключается в том, чтобы сдерживать их, поощрять проявление лучших сторон мужской натуры.

Эванджелине казалось, что она усвоила этот урок, но в маленькой деревеньке, где она росла, в сорока милях (и одновременно на другом конце света) от Лондона, случая проверить это так и не подвернулось. Большинство жителей Танбридж-Уэллса жили под боком у родителей и заключали браки с соседями, поддерживая и укрепляя сеть взаимоотношений, которая по мере того, как одно поколение сменялось другим, сплеталась все теснее. Однако Эванджелину эта сеть не охватывала. Ее мать умерла родами, а овдовевший отец жил духовной жизнью, не особо интересуясь повседневными, суетными мелочами. Он предпочитал, чтобы дочка составляла ему компанию в библиотеке, читая подле него, нежели выполняла обычные женские обязанности, – да и потом, к должности викария все равно прилагалась экономка.

Заметив в своем единственном ребенке острую жажду знаний, он нанял учителя, который преподавал Эванджелине древнегреческий и латынь, словесность и философию. Эти занятия в библиотеке дома приходского священника во многом определили ее судьбу. Образованностью девушка вышла не чета обычной селянке, но, будучи обделена в ходе своего взросления общением со сверстницами, отличалась удручающим простодушием. У нее не было наперсниц, с которыми можно было бы посудачить, а заодно и кое-чему научиться. Отец хотел оградить дочь, уберечь от любого зла – и своими действиями лишил Эванджелину столь необходимой для выживания прививки реальностью. Девушка могла назвать все шесть континентов и определить на небе созвездия, но практических знаний о мире за порогом собственного дома у нее почти не имелось.

Когда Эванджелине исполнилось двадцать лет, после непродолжительной болезни скончался ее отец. Спустя два дня после похорон на пороге появился представитель епископа и вежливо расспросил девушку о ее планах на будущее. На должность викария был назначен молодой курат, имевший супругу и маленьких детишек. Как скоро она сможет освободить помещения?

Эванджелина с ужасом осознала, что отец даже не удосужился позаботиться о том, как будет жить дочь, когда его не станет. Да и она тоже хороша. Они оба беспечно полагали, что так и будут читать вместе в библиотеке, потягивая чай перед камином. И вот теперь она осталась совсем одна, без родных и друзей, практически без средств, не имея сколько-нибудь полезных практических навыков и умений. Выбор у Эванджелины, прямо скажем, был весьма ограниченный. Конечно, можно было бы выйти замуж, но вот только за кого? Несмотря на всю ее красоту, мужчин, желающих предложить девушке руку и сердце, не наблюдалось. Темпераментом она во многом походила на отца: порожденная неуверенностью в себе застенчивость грани-

чила в ней с робостью, которую часто ошибочно принимали за холодность, а ее начитанность окружающие держали за надменность.

Представитель епископа понимал, что Эванджелина оказалась в затруднительной ситуации – слишком образованная для девицы ее положения, но без средств или статуса в обществе, которые могли бы привлечь джентльмена более высокого происхождения. Выход из создавшейся ситуации, по его мнению, был только один: дочери покойного викария надлежало пойти в гувернантки, учить маленьких детей и жить в семье хозяев. Попросив Эванджелину перечислить все, в чем она сведуща, он внимательно выслушал девушку, царапая пером на пергаменте пометки: английская литература, грамматика, арифметика, закон Божий, латынь, древнегреческий и французский, основы рисования; немного играет на фортепиано. А потом разместил в газетах, издающихся в Лондоне и предместьях, объявление следующего содержания:

Духовное лицо желает ПОРЕКОМЕНДОВАТЬ МОЛОДУЮ ЛЕДИ, осиротевшую дочь викария, на место ГУВЕРНАНТКИ, в семью, где она возьмет на себя заботу о малолетних детях. Необходимое для этой роли образование наличествует. С предложениями обращаться в письменном виде, к пастору N. по адресу: Танбридж-Уэллс, Дорчестер-стрит, 14.

В почтовом ящике у дома викария стали появляться конверты. Одно письмо особенно привлекло его внимание. В нем некая Мэри Уитстон, проживающая на тихой улочке на северо-западе Лондона, описывала благополучную жизнь со своим мужем, служившим адвокатом, и двумя примерными детьми, Беатрис и Недом. До сих пор воспитанием отпрысков занималась няня, но пришло время позаботиться о том, чтобы они получили надлежащее образование. Новой гувернантке предоставят отдельную комнату. С детьми она будет проводить по шесть часов в день, шесть дней в неделю, и не исключено, что станет сопровождать их в поездках. В остальном своим временем она будет распоряжаться по собственному усмотрению. Всестороннее образование, как писала миссис Уитстон, должно, по ее представлению, включать периодические посещения музеев, музыкальных концертов и, возможно, даже театров. Эванджелина, которая никогда не выезжала из родной деревушки, была заинтригована. Она прилежно и подробно ответила на многочисленные вопросы миссис Уитстон, отправила ей письмо и стала дожидаться ответа.

Несмотря на свою провинциальную непосредственность, а может, напротив, благодаря ей, девушка смогла впечатлить мать семейства в степени, достаточной для того, чтобы та предложила ей место гувернантки: двадцать фунтов в год плюс проживание и питание. Эванджелине это предложение показалось крайне щедрым. Ну а епископ и молодой курат, пребывающий в шаге от начала новой жизни в доме приходского священника, оба вздохнули с облегчением: небеса услышали их молитвы.

Последующие несколько дней в Ньюгейте Эванджелина лихорадочно размышляла о том, к кому можно обратиться за помощью, но так ничего и не придумала. Действительно, кто бы мог убедительно засвидетельствовать ее добропорядочность? Хотя она, как дочь викария, и пользовалась в Танбридж-Уэллсе некоторой долей уважения, однако, поскольку отец постоянно держал ее при себе, настоящих друзей в деревне девушка так и не завела. Эванджелина прикидывала, не связаться ли ей с экономкой, работавшей в доме священника, или, допустим, с мясником, или пекарем, или одним из служащих в лавке, с которыми она была на дружеской ноге, но подозревала, что слово обычного селянина большого веса иметь не будет. В Лондоне же, кроме семейства Уитстонов, она не знала ни души.

От Сесила ничего слышно не было.

А ведь он уже должен был вернуться из Венеции. Уже должен был узнать о случившемся. Какая-то крохотная часть ее цеплялась за надежду, что Сесил проявит благородство и засту-

пится за нее. Может, даже придет возлюбленной письмо: «С тобой поступили несправедливо. Я все им рассказал». Не исключено, что даже придет повидаться с ней.

Нужно было привести себя в приличный вид на тот случай, если Сесил все-таки появится. Когда стражники принесли ведро с чистой водой, Эванджелина тщательно вымыла лицо и шею и прошлась тряпицей под мышками. Промокнула корсаж, кончиками пальцев разделила волосы на пробор и пригладила их, подвязав сзади лоскутком тряпки.

– Для кого прихорашиваешься? – поинтересовалась Олив.

– Ни для кого, просто так.

– Думаешь, он придет за тобой?

– Нет.

– Однако надеешься?

– Он хороший человек. В глубине души.

Олив рассмеялась:

– Вот уж неправда!

– Ты же его совсем не знаешь.

– Ах, бедняжка, – проговорила она. – Бедная глупая Лини. Сдается мне, что очень даже знаю.

И все же Сесил был хорошим человеком. Ведь был же? Как-никак он спас ее от одиночества в огромном доме на Бленхейм-роуд. Принимая предложение о работе, девушка даже и не подозревала, насколько оторванной ото всех будет себя там чувствовать. Почти до самого вечера Эванджелина обычно занималась с детьми; к тому времени, когда она освобождалась, слуги уже успевали поесть сами и готовили ужин для хозяев. Миссис Гримсби, кухарка, припасала для нее тарелку, ужинала гувернантка в одиночестве. К семи часам вечера она укрывалась в своей маленькой спальне, где и оставалась до утра.

По вечерам Эванджелина часто слышала, как в кухне, располагавшейся на противоположном конце коридора, слуги, рассевшись вдоль длинного стола, играют в карты, и от громкого хора их будто нарочито дружеских голосов ее собственное одиночество ощущалось еще острее. В тех редких случаях, когда девушка отваживалась покинуть свою комнату, она мялась в углу, пока остальные дружно ее игнорировали. Среди слуг Эванджелина считалась белой вороной: одновременно предметом сплетен из-за своих странных привычек (таких, как чтение за едой) и загадкой, которая мало их интересовала. Гувернантка разговаривала на языке, который, вне сомнений, напоминал им о хозяевах, и все явно чувствовали облегчение, когда она возвращалась в свою комнату и закрывала за собой дверь.

И вот среди этой пустоты появился Сесил, который был тремя годами старше нее и бесконечно более умудренным жизнью. Он выказывал свои намерения в мелочах: осторожно касался Эванджелины кончиками пальцев, украдкой подмигивал ей поверх голов детей, клал ладонь девушке на талию, когда никто не видел.

С каждой неделей и с каждым месяцем их знакомства его пыл становился все убедительнее, а страстная настойчивость – все более подкупающей.

– Эванджелина, дорогая моя! – шептал он. – Даже имя у тебя необычайно изысканное!

Сесил уверял, что якобы изучал в Кембридже Чосера с одной лишь целью – сохранить в памяти строки, чтобы потом нашептывать ей на ушко:

«Она была прекрасна, точно роза мая».

Или:

«Что лучше мудрости? Женщина. Что лучше хорошей женщины? Ничего».

Все в нем повергало ее в трепет. Подумать только, этот мужчина сидел в парижских кафе в полночный час, пересекал венецианские каналы на гондоле, плавал в небесно-голубых водах Средиземного моря. А еще нельзя было сбросить со счетов пушистый завиток каштановых

волос у него на шее, мускулистые плечи под хрустящей льняной рубашкой, нос с горбинкой и сочные алые губы...

– Ты пленяешь меня, – говорил он, дергая за шнуровку ее корсажа. – Ты моя единственная и неповторимая, – выдыхал он ей в волосы.

– Но, Сесил, а как же... как быть с...

– Я просто души в тебе не чаю. Хочу проводить с тобой каждый час каждого дня.

– Но это же... безнравственно.

– В нашем с тобой случае – нравственно. Почему нас должны заботить попреки каких-то провинциальных зануд?

Эванджелина грелась в лучах горячей симпатии Сесила, едва ли задумываясь о том, что однажды та может истощиться: так жарким летним днем почти невозможно вообразить себе жестокий холод грядущей зимы. Молодой человек обещал ей ровно столько, сколько было нужно для того, чтобы убедить девушку в том, что он разделяет ее чувства, столь искренние и глубокие.

Держать их встречи в тайне оказалось на удивление просто. Маленькая комнатка Эванджелины находилась в удалении от спален остальных слуг, в конце узкого коридора за кухней. Поскольку она придерживалась иного распорядка дня, нежели большая часть прислуги, никто не обращал особого внимания на то, когда гувернантка приходит и уходит. В Лондоне вообще гораздо проще обеспечить себе алиби. Возвращаясь в комнату между уроками, она находила под дверью записки – *«Полиестого, угол Кавендиши и Сёркус»*... *«Глостер-гейт, семь вечера»*... *«Дорсет-сквер, в полдень»* – и прятала их под матрасом. Кухарке Эванджелина говорила, что идет прогуляться, посмотреть в сумерках на огни на Темзе, получше изучить Риджентс-парк в воскресенье, – и, по большому счету, ей даже не приходилось врать.

Лучшим другом Сесила по Хэрроу⁶ был приятный малый по имени Чарльз Пеппертон. В отличие от молодого Уитстона, который пошел по стопам своего отца и учился на юриста, никто не ждал, что Чарльз освоит какую-нибудь профессию. Он должен был унаследовать как родовое имение, так и место своего отца в Палате лордов; все, что ему надлежало сделать за последующие несколько десятилетий, так это завести правильные знакомства, жениться на подходящей по возрасту и общественному положению девушке (по возможности из младшей ветви королевской семьи) и отточить навыки охоты на лис в загородном родовом поместье в Дорсете. Пеппертон вообще проводил много времени в Дорсете. Его лондонский особняк в Мэйфере, просторный и благоустроенный, почти всегда пустовал.

Когда Сесил впервые привел Эванджелину в дом Чарльза в Мэйфере – это произошло ранним субботним вечером, после занятий, пока старшие Уитстоны были в гостях, – она поначалу сильно робела и смущалась перед прислугой. Но довольно скоро девушка узнала об известных уловках, призванных сохранять тайны джентльменов, покрывать их проступки и оберегать представителей высших классов от скандалов. Сесил, которого слуги хорошо знали, пользовался с их стороны небрежным почтением, что проявлялось в тактично опущенных взглядах и осторожных формулировках (*«Леди останется с вами на чай?»*). С течением времени Эванджелина чувствовала себя все увереннее и самым вызывающим образом становилась все более раскованной. Когда Сесил на глазах у дворецкого обнимал ее и сажал к себе на колени, она уже не считала нужным возмущаться.

Как раз в затененной гостиной городского особняка, принадлежавшего его другу Чарльзу, Сесил и подарил ей тот перстень.

– Чтобы не забывала обо мне, пока я в отъезде. Вот вернусь, и... – Он ласково потерся носом об ее шею.

⁶ Имеется в виду школа Хэрроу – одна из известнейших и старейших британских частных школ для мальчиков.

Эванджелина с неуверенной улыбкой отстранилась, пытаясь понять, что скрывается за его словами.

– Вот вернешься – и что?

Сесил прижал палец к ее губам.

– Ты снова наденешь его для меня.

Конечно, это совсем не то, о чем она спрашивала. Однако предложить другой ответ он был пока не готов.

Только многим позже Эванджелина поняла, что сама протянула тонкие ниточки смыслов между его словами, липкими, точно паутина, додумывая фразы, которые хотела услышать.

Ньюгейтская тюрьма, Лондон, 1840 год

Тут было много всего, к чему Эванджелина никак не могла привыкнуть: крики, которые распространялись, словно заразная болезнь, от одной камеры к другой. Яростные потасовки, которые вспыхивали неожиданно и заканчивались, когда одна из сокамерниц сплевывала на пол кровь или зубы. Едва теплая полуденная похлебка, где плавали костлявые свиные голяшки, пяточки, кусочки копыт и щетины. Заплесневелый хлеб, приправленный личинками. Правда, когда первое потрясение улеглось, Эванджелине оказалось удивительно легко переносить большую часть издевательств и унижений, ставших неотъемлемой частью ее новой жизни: жестоких тюремщиков, наглых тараканов и других паразитов, вездесущую грязь, шныряющих по соломе крыс. Постоянную, буквально щека к щеке, близость к другим женщинам; гниlostное дыхание сокамерниц на лице, когда она пыталась уснуть; их храп, от которого никуда не деться. Она научилась не реагировать на окружающий шум: лязг двери в конце коридора, стук ложек и рев младенцев. Вонь от ведра с нечистотами, от которой бедняжку поначалу так мутило, словно бы ослабла; она заставила себя ее не замечать.

Отношения с Сесилом были настолько всепоглощающими, что во время своего пребывания у Уитстонов Эванджелина едва ли успевала скучать о той жизни, которую вела прежде. Теперь же мысли девушки все чаще обращались к ее существованию в Танбридж-Уэллсе. Она тосковала по отцу: по его мягкому характеру и маленьким проявлениям доброты, по тому, как они подолгу разговаривали вечерами, как смотрели на горящий огонь, пока дождь стучал по черепице крыши. Эванджелина поправляла плед на его ногах, а он читал дочери Вордсворта и Шекспира. Эти строчки она теперь безмолвно повторяла про себя, лежа на пяточке, который расчистила на полу камеры:

Когда-то все ручьи, луга, леса
Великим дивом представлялись мне;
Вода, земля и небеса
Сияли, как в прекрасном сне,
И всюду мне являлись чудеса⁷.

Или:

Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны. И сном окружена
Вся наша маленькая жизнь⁸.

Закрывая глаза, Эванджелина находила утешение в воспоминаниях о мелких бытовых заботах, на которые когда-то жаловалась: как она подогревала воду в чайнике, чтобы вымыть посуду в раковине; как набирала уголь, чтобы не погас огонь в плите; как холодным февральским утром отправлялась в булочную, прихватив свою корзинку для покупок. Теперь самые обычные удовольствия казались чем-то совершенно невообразимым: дневной чай, черный, подслащенный сахаром, а к нему – пирог с абрикосами и заварным кремом; матрас, набитый гусиным пером и ватой; мягкая муслиновая ночная сорочка и чепчик, в которых она спала; перчатки из телячьей кожи, темно-коричневые, с перламутровыми пуговичками; шерстяная накидка с воротником, отороченным кроличьим мехом. Как хорошо было смотреть на

⁷ У. Вордсворт. Отголоски бессмертия по воспоминаниям раннего детства. Перевод Г. Кружкова.

⁸ У. Шекспир. Буря. Перевод М. Донского.

отца, когда он работал за письменным столом над своей еженедельной проповедью, держа перо в узловатых пальцах. Ощущать запах улиц Танбридж-Уэллса во время летнего дождя: мокрые розы и лаванда, лошадиный навоз и сено. Стоять на рассветном лугу, наблюдая за лимонным солнцем, поднимающимся в распахнутое небо.

Эванджелина вспомнила кое-что любопытное, что отец сказал ей однажды вечером, когда, опустившись на колени перед камином, разводил в нем огонь. Подняв бревнышко, он продемонстрировал дочери концентрические кольца на спиле ствола и объяснил, что каждое из них отмечает один год жизни дерева. Некоторые оказались шире других: по его словам, это зависело от погоды; зимой они были светлее, летом темнее. Все они срослись друг с другом, придавая сердцевине дерева прочности.

«Может, и у человека так же? – подумала девушка. – Те моменты, которые что-то значили для тебя, и те люди, которых ты полюбил за прошедшие годы, становятся твоими кольцами. Вполне вероятно: то, что ты считал потерянным, все еще там, внутри, и придает тебе сил».

Заклученным нечего было терять, а это значило, что и стыда они не испытывали. Сморкались в рукав, выбирали вшей из волос друг друга, давили пальцами блох, без лишних раздумий пинками отшвыривали спящих под ногами крыс. По малейшему поводу сквернословили, распевали похабные песенки про блудливых мясников и подавальщиц с округлившимися животами и в открытую осматривали свои потемневшие от месячной крови куски ветоши, решая, можно ли их использовать снова. Страдали от непонятных струпьев и сыпей, изматывающего кашля и запущенных, сочащихся язв. Их волосы были слипшимися от грязи и паразитов, а воспаленные, пораженные инфекциями глаза постоянно слезились. Многие целые дни напролет отрывисто кашляли и отплевывались – Олив говорила, что это верные признаки тюремной лихорадки.

Сопровождая отца во время его визитов к больным, Эванджелина научилась подтыкать одеяло под беспомощное тело, по ложке вливать в вялый рот бульон и вполголоса читать умиравшим псалмы: «Прославь, душа моя, Господа и не забудь добрые дела Его – Того, Кто прощает всю вину твою и исцеляет все твои болезни; Кто избавляет от могилы твою жизнь и венчает тебя милостью и щедротами»⁹. Но на самом деле сострадания к недужным не испытывала. Подлинного сострадания. Даже покинув дом больного прихожанина, девушка с едва скрываемым отвращением отворачивалась от нищего на улице.

Сейчас Эванджелина понимала, насколько незрелой и инфантильной была тогда, как легко было повергнуть ее в шок, как поспешно она судила других.

Здесь же не представлялось возможным закрыть за собой дверь или отвернуться. Она была ничем не лучше самой жалкой горемыки в этой камере: не лучше неотесанной Олив с ее грубым смехом, торговавшей на улице своим телом; не лучше несчастной девушки, много дней напевавшей колыбельную своей лежащей на груди малышке, пока окружающие не заметили, что ребенок мертв. Самые интимные, постыдные стороны человеческого существования, сопряженные с телесными жидкостями, которые люди всю свою жизнь старались держать при себе и скрывать от посторонних глаз, – кровь, желчь, моча, испражнения, слюна и гной – в тюрьме как раз и были тем, что связывало их теснее всего. Эванджелина ощущала ужас от того, как низко пала. А еще она впервые в жизни испытывала муку подлинного сострадания, даже к самым презренным личностям. Как-никак, теперь она была одной из них.

Когда пришли стражники, чтобы забрать у матери мертвого младенца, в камере стало тихо. Охранникам пришлось почти силой вырывать маленькое тельце из рук девушки, пока та просто стояла, едва слышно напевая дрожащим голосом нехитрую песню, а по щекам ее текли слезы.

⁹ Псалом 102. Новый русский перевод.

Да, Эванджелина ненавидела это место, но еще больше она ненавидела себя, поскольку попала сюда из-за собственного тщеславия, наивности и упрямого нежелания замечать очевидные вещи.

Однажды утром, когда она пробыла там уже приблизительно две недели, железная дверь в конце коридора с лязгом отворилась и раздался окрик стражника:

– Эванджелина Стоукс!

– Здесь!

Пытаясь перекричать неутихающий гвалт, она заставила себя приблизиться к двери камеры. Опустила взгляд на свой покрытый пятнами лиф, на потяжелевший от грязи подол. Принюхалась к запаху собственного несвежего дыхания и пота и судорожно сглотнула, пытаясь избавиться от привкуса страха во рту. И все же, что бы ни ожидало ее за этой дверью, это не могло быть хуже того, что творилось здесь.

У двери камеры появились надзирательница и два стражника с дубинками.

– Ну-ка расступились и пропустили ее! – Один из тюремщиков ударил своей дубинкой по решетке, отгоняя ринувшихся вперед женщин.

Протиснувшуюся к двери Эванджелину вытащили из камеры и, сковав ей руки и ноги кандалами, вывели наружу и сопроводили на противоположную сторону улицы, в другое серое здание, где заседал суд. Стражники провели арестантку вниз по узкой лестнице в помещение без окон, заполненное поставленными друг на друга, точно птичьи садки, клетками, забранными с обеих сторон стальными прутьями. В каждой из таких клеток едва мог разместиться – да и то лишь согнувшись в три погибели – один взрослый человек. Девушку закрыли внутри, и, после того как глаза ее привыкли к полумраку, она разглядела силуэты заключенных в других клетках, слышала их стоны и кашель.

Когда на пол с глухим стуком упал кусок хлеба, Эванджелина от неожиданности подпрыгнула и ударилась головой о потолок. Сидевшая в соседней клетке старуха просунула руку между прутьями и схватила хлеб, сдавленно хихикнув при виде того, как испугалась девушка.

– Выходит на улицу, – указала она на потолок. Эванджелина задрала голову: над единственным узким проходом между клетками виднелась дыра. – Некоторые, вот, жалеют нас.

– Сюда бросают хлеб прохожие?

– Больше родственники, те, что на разбирательство приходят. Твои-то там есть?

– Нет.

Эванджелина услышала чавканье.

– Я бы поделилась, – спустя несколько секунд сказала старуха, – да вот только смерть как есть хочется.

– Спасибо, я обойдусь.

– Видать, ты тут в первый раз?

– И в последний, – ответила Эванджелина.

Соседка снова хихикнула:

– Ну-ну, когда-то я себе тоже так говорила.

Судья облизнул губы с явной неприязнью. Его пожелтевший парик немного съехал набок. Покрытые мантией плечи были припорошены осыпавшейся пудрой. По дороге в зал заседаний приставленный к Эванджелине стражник сказал ей, что за сегодняшний день судья уже рассмотрел более десятка дел, а за эту неделю – не меньше сотни. Сидя на скамье в коридоре в ожидании, когда ее позовут, девушка наблюдала за тем, как приходят и уходят обвиняемые и осужденные: карманники и опиоманы, проститутки и фальшивомонетчики, убийцы и душевнобольные.

Перед судом она предстала одна. Адвокат полагался только богатым. По правую руку от Эванджелины сидели присяжные, сплошь мужчины, и глядели на нее с различной степенью безразличия.

– Как вы хотите быть судимы? – устало спросил судья.

– Богом и моей страной, – ответила она, как ей было велено.

– Имеются ли свидетели, готовые за вас поручиться?

Девушка покачала головой.

– Отвечайте, заключенная.

– Нет. Таких свидетелей нет.

Барристер поднялся со своего места и озвучил выдвигаемые против нее обвинения: покушение на убийство, кража в особо крупном размере. Он зачитывал письмо, полученное, по его словам, от миссис Уитстон, проживающей в доме 22 по Бленхейм-роуд, Сент-Джонс-Вуд, в котором излагались подробности совершенных мисс Стоукс вопиющих преступлений.

Судья испытующе посмотрел на нее.

– Заключенная, вам есть что сказать в свою защиту?

Эванджелина присела в книксене.

– Сэр, я не брала перстень... – И осеклась. Если уж на то пошло, она как раз-таки взяла его. – Украшение мне подарили; я его не крада. Мой... мужчина, который...

Не давая ей договорить, судья замахал рукой:

– Я услышал достаточно.

У присяжных ушло всего десять минут на то, чтобы вынести вердикт: виновна по обоим пунктам.

Судья поднял свой молоток, а затем громко стукнул им и объявил:

– Эванджелина Стоукс приговаривается к четырнадцати годам ссылки в заморские владения.

Бедная девушка схватилась за деревянную перекладину перед собой, чтобы удержаться на ногах. К четырнадцати годам? Может, она ослышалась? Эванджелина взглянула на присяжных. В глаза ей никто не смотрел. Судья зашуршал бумагами на своем столе.

– Вызовите следующего заключенного, – сказал он судебному приставу.

– Это все? – спросила она у стражника.

– Ну да, все. Австралия, значит. Будешь поселенкой.

Эванджелина вспомнила, как Олив сказала, будто ссылка – это пожизненный приговор.

– Но... я ведь смогу вернуться в Англию после отбытия наказания?

Ее конвоир рассмеялся: без тени сочувствия, но и не сказать чтобы зло.

– С другого конца света? Ха! Да туда уплыть – это все равно как на солнце отправиться.

Когда Эванджелина в сопровождении стражников вернулась в Ньюгейтскую тюрьму и шла по темному коридору к своей камере, то заставила себя расправить плечи (насколько это позволяли скованные руки и ноги) и перевела дыхание. Помнится, как-то давно она забралась на самый верх колокольни в Танбридж-Уэллсе. По мере того как девушка поднималась по винтовой каменной лестнице внутри лишенной окон башни, стены вокруг неуклонно сжимались, а ступени становились все круче; Эванджелина видела над головой просвет, но не представляла, сколько ей еще оставалось до самого верха. С трудом преодолевая очередной – с каждым разом все более тесный – поворот, она опасалась, что окажется зажатой со всех сторон, лишенной возможности пошевелиться.

Сейчас она испытывала ровно такое же ощущение.

Проходя мимо забитых заключенными камер, Эванджелина обратила внимание на обломанные ногти с темной каймой, которыми женщина вцепилась в железную решетку, и на большие глаза младенца, слишком слабого или больного, чтобы плакать. Слышала тяжелое буханье сапог стражников, приглушенное звяканье своих ножных кандалов. К едкой вони челове-

ских экскрементов примешивался кисло-соленый запах уксуса, которым примерно раз в две недели стражники самого низкого ранга оттирали полы и стены. К решетке под ее ногами зазмеился ручеек. Эванджелина чувствовала себя так, будто все происходило не по-настоящему, она словно бы участвовала в какой-то пьесе – возможно, в «Буре» с ее перевернутым с ног на голову миром и сумбурным, зловещим пейзажем. В памяти всплыло: «Ад пуст! Все дьяволы сюда слетелись!»¹⁰

– И ты в их числе, – заметил стражник, подталкивая девушку вперед.

Она сообразила, что произнесла эти слова вслух, как если бы отвечала отцу на уроке.

Каждые несколько дней, вне зависимости от погоды, группу заключенных выводили из камеры, сковывали кандалами и отправляли в унылый дворик для прогулок, который был отделен от других внутренних двориков высокими стенами, увенчанными железными штырями. Там они почти час передвигались по кругу, едва переставляя ноги.

– Как ты считаешь, долго нам еще ждать отплытия? – спросила Эванджелина у Олив одним хмурым днем, пока они медленно обходили дворик.

– Откуда же мне знать? Слышала, будто корабль набирается раза два-три в год. Последний ушел как раз перед тем, как меня повязали. Так что, думаю, где-то в середине лета, не раньше.

А еще только-только начался апрель.

– Вот я никак в толк не возьму, зачем отправлять нас на другой конец мира, – поделилась своими мыслями Эванджелина. – Было бы куда проще и дешевле оставить нас отбывать наказание здесь.

– Ты просто не скумекала, в чем вся соль, – возразила Олив. – В правительстве тоже не дураки сидят, они таким образом свои делишки обстрепывают.

– Что ты имеешь в виду?

– Раньше заключенных отправляли из Англии в Америку, но после того, как там началась заваруха, властям пришлось искать новую свалку для отребья. Ну, выбрали, стало быть, другую заморскую колонию, Австралию. Да только не успели они оглянуться – бумс, а там на одну бабу уже девять мужиков приходится. Представляешь, девять? А из одних мужиков поселение основать не выйдет, согласна? Ну, в правительстве сообразили, что дали маху. А потом обмозговали все хорошенько и понапридумывали всяких мутных поводов, чтобы нас туда отправлять.

– Не хочешь же ты сказать, что... – начала Эванджелина.

– Очень даже хочу. По их разумению, мы все равно уже конченные грешницы. – Хлопнув себя по животу, Олив воскликнула: – Погляди на нас, Лини! Детей мы заиметь явно можем, так? Да к тому же привезем с собой новых жителей колонии. Если родятся девчонки, так это им только на руку. И тратиться особо не нужно. Снарядили несколько невольничьих кораблей – и вперед.

– Как невольничьих? В Англии ведь нет рабства!

Олив рассмеялась. Наивность Эванджелины неизменно развлекала и веселила ее.

– Ну да, на словах. А на деле с нами обращаются, как со скотом. В порту наготове уже стоят суда: набьют их под завязку заключенными бабами – и вперед, в колонию, пожалуйста новых бесправных рабов плодить! И ведь никого там, в парламенте, совесть не грызет.

К ним подошел стражник и схватил Олив за руку:

– Кончай уже глупости болтать!

Она выдернула руку из его пальцев:

– Так ведь это правда, скажешь нет?

¹⁰ Перевод М. Донского.

Он сплюнул ей под ноги.

– Откуда тебе все это известно? – спросила Эванджелина после того, как они описали по дворику еще несколько кругов.

– А ты поошивайся в лондонских пабах после полуночи. Никогда не угадаешь, что сболтнет мужик, когда пропустит пару-тройку кружек.

– Да они наверняка ввали. Ну или, во всяком случае, преувеличивали.

Олив сочувственно улыбнулась подруге:

– Ох, Лини, твоя беда в том, что ты не хочешь верить в очевидное, отказываешься замечать то, что творится у тебя под носом. Ты и здесь ведь именно поэтому очутилась, я права?

По утрам в воскресенье женщин-заключенных сгоняли в тюремную часовню, где их расаживали по задним рядам на скамьи, стоящие за высокими, закрепленными под углом досками, которые позволяли им видеть пастора, но скрывали от глаз заключенных-мужчин. Под кафедрой горела угольная печка, но до них ее жар не доставал. Больше часа женщины ежились в своих тонких платьях и тяжелых цепях, пока священник всячески корил, отчитывал и стыдил их за имеющиеся пороки.

Суть проповеди оставалась неизменной: все они – гнусные грешники, приносящие земное покаяние; дьявол только и ждет, не падут ли они еще ниже, так, что никакое искупление уже не поможет. Их единственным шансом на спасение души было отдаться на суровую милость Всевышнего и смиренно понести наказание за собственную нечестивость.

Иногда Эванджелина опускала взгляд на свои руки и думала: а ведь совсем недавно эти же самые пальцы срывали цветы и расставляли их в вазах. Выводили мелом на грифельной доске латинские буквы. Очерчивали профиль Сесила, ото лба и до адамова яблока. Когда-то они замерли над неподвижными чертами отцовского лица и в последний раз закрыли ему глаза. А взгляни на них теперь – грязные, судорожно сжимающиеся, опоганенные.

Никогда больше она не назовет хоть что-то невыносимым. Вынести можно почти все, что угодно, – теперь-то Эванджелина это знала. Мелких белых паразитов, кишящих в волосах; незаживающие язвы, разрастающиеся из пустяковых царапин; кашель, прочно засевший в груди. Она была вконец вымотана и большую часть времени мучилась тошнотой, но умирать не умирала. По местным меркам это значило, что дела у нее обстояли неплохо.

Ньюгейтская тюрьма, Лондон, 1840 год

В вечном сумраке камеры трудно было не только понять, сколько прошло времени, но и даже различить время суток. Лишь за маленьким зарешеченным окошком и в тени увенчанной штырями стены прогулочного дворика солнечный свет становился все теплее и задерживался все дольше. У Эванджелины прошла утренняя тошнота и начал расти живот. Грудь тоже увеличилась и стала более чувствительной. Она старалась не думать слишком много о ребенке, которого носила под сердцем: он был зримым свидетельством ее морального разложения, клеймом греха – таким же недвусмысленным, как и кровавые следы дьявольских когтей на плоти.

В одно непримечательное утро, спустя какое-то время после завтрака, решетчатая створка в конце коридора с лязгом отворилась, и тюремщик выкрикнул:

– Квакерши пришли! Приведите себя в порядок!

Эванджелина поискала глазами Олив и, увидев ее в паре шагов от себя, встретила с подругой взглядом. Та указала на дверь камеры: «Давай сюда».

У входа в камеру материализовались три дамы в длинных серых накидках и белых чепцах, каждая держала в руках по большому мешку. Та, что стояла посередине, в простом черном платье и белом платочке, прикрытом накидкой, держалась прямее и увереннее двух своих товарок.

У нее были мутные голубые глаза, нетронутое румянами лицо и седые волосы, разделенные под чепцом аккуратным пробором. Она улыбнулась женщинам в камере с видом благожелательным и сдержанным. И тихим голосом произнесла:

– Приветствую вас, подруги!

Поразительно, но в помещении наступила тишина, прерываемая только кряхтеньем младенца.

– Меня зовут миссис Фрай. Сегодня меня сопровождают миссис Уоррен и миссис Фицпатрик. – Она поочередно кивнула влево и вправо. – Мы представляем здесь Общество содействия перевоспитанию женщин-заклученных.

Эванджелина подалась вперед, стараясь расслышать получше.

– Каждая из вас достойна прощения. Вы не обязаны вечно нести на себе пятна своих прегрешений. Можно решить отныне и впредь прожить свою жизнь с честью и достоинством. – Просунув два пальца сквозь стальную решетку, миссис Фрай дотронулась до руки молоденькой девушки, которая во все глаза смотрела на гостью. – Какая у тебя нужда?

Заклученная отпрянула: не привыкла, чтобы к ней обращались напрямую.

– Тебе бы хотелось новое платье?

Девушка кивнула.

– Есть ли сегодня здесь среди вас заблудшая душа, – продолжила миссис Фрай, указав подбородком на скопление женщин, – желающая спастись от греха и, таким образом, быть может, спастись от горя, от страданий? Не теряйте надежды, подруги. Вспомните слова Христа: «Отвори дверь в свое сердце, и я одолею то, что одолевало тебя»¹¹. Если ты уповаешь на Господа, все тебе прощено будет.

Когда она договорила, стражник отпер дверь, и заключенные потеснились, чтобы освободить место. Войдя в камеру, квакерши стали раздавать овсяное печенье, доставая его из хлопкового мешка. Эванджелина взяла одно и надкусила. Пусть твердое и сухое, оно все равно было вкуснее всего того, что ей довелось съесть за много недель.

При помощи стражников миссис Фрай определила новеньких в камере и вручила каждой перевязанный бечевкой сверток. Вкладывая узел в руки Эванджелины, спросила:

¹¹ Из проповеди Фрэнсиса Стампера, квакера.

– Давно ты здесь?

Девушка присела в скромном книксене.

– Почти три месяца, мэм.

Миссис Фрай склонила голову набок.

– А ты... образованная. И откуда-то... с юга?

– Из Танбридж-Уэллса. Отец служил там викарием.

– Понятно. Значит... тебя приговорили к ссылке?

– Да.

– На семь лет?

Эванджелина поморщилась.

– На четырнадцать.

Квакерша кивнула, как будто бы не удивившись.

– Что ж. На вид ты здорова. Плавание займет около четырех месяцев – будет непросто, но большинство его переживет. На место прибудешь в конце лета, у них это конец зимы. Так гораздо лучше, чем наоборот. – Она поджала губы. – Положа руку на сердце, я не уверена, что ссылка – это выход. Слишком много возможностей для злоупотреблений – слишком много путей, как мне видится, извратить систему. Но, коли уж так решили наверху... – Она пристально взглянула на собеседницу. – Позволь я задам тебе вопрос. Как ты думаешь, твой отец одобрил бы, – она махнула рукой в направлении живота Эванджелины, – это?

Эванджелина вспыхнула.

– Полагаю, это результат несколько... необдуманных действий. Ты допустила, чтобы тобой воспользовались. Я настоятельно прошу тебя впредь быть осторожней. И не терять бдительности. Мужчинам в этом отношении проще. А тебе придется всю жизнь расхлебывать свои ошибки. Ты меня поняла?

– Да, мэм.

Когда миссис Фрай с помощницами отвернулись, чтобы заняться оставшимися свертками, Эванджелина порылась в своем, вынимая и рассматривая его содержимое: простой белый чепец, зеленое хлопчатобумажное платье, грубый холщовый передник, который носится поверх него. Когда все подарки были розданы, квакерши стали помогать заключенным переодеться в обновки.

Миссис Уоррен расстегнула пуговицы на спине Эванджелины и помогла ей вытащить руки из рукавов грязного платья. Девушка страшно переживала, что у нее воняет под мышками, изо рта несет кислятиной, подол перепачкан. А от миссис Уоррен пахло... да ничем от нее не пахло; просто чистой кожей. Но если она и испытывала отвращение, то виду не подавала.

Когда заключенные переоделись, миссис Фрай спросила, не хочет ли кто-нибудь из них заняться вышиванием, лоскутным шитьем или вязанием чулок. Эванджелина ухватила за эту возможность. Хотя рукоделие ее интересовало мало, девушка рассудила, что будет неплохо ненадолго выбраться из камеры, да и соскучилась она по какому-нибудь полезному труду. Три десятка заключенных поделили на группы и отвели через открытый внутренний двор в большое, продуваемое сквозняками помещение, заставленное столами и грубо сколоченными скамьями; внутри, высоко в стене, были прорублены крохотные оконца, выходящие во двор. Группе Эванджелины поручили вязание, которое она так и не освоила. Рядом на скамье расположилась миссис Уоррен и ненавязчиво направляла ее пальцы, неловко орудовавшие длинными деревянными спицами. Ощувив мягкие, теплые руки этой женщины на своих собственных, испытав прикосновение человека, не выражающего по отношению к ней ни презрения, ни пренебрежения, девушка сморгнула навернувшиеся слезы.

– Ну-ну, дорогая, дай-ка я поищу платок, – сказала миссис Уоррен, поднимаясь со скамьи.

Наблюдая, как квакерша пересекает помещение, Эванджелина пробежала пальцами по небольшой выпуклости своего живота, очерчивая едва угадываемые под тканью нового зеленого платья контуры носового платка Сесила. Через мгновение она ощутила в самом низу живота какое-то трепетание, как если бы там плавала крохотная рыбка.

Должно быть, это ребенок. Эванджелина вдруг почувствовала потребность защитить его и рассеянно прикрыла низ живота ладонью, словно укачивая малыша.

Этот малыш родится в неволе, позоре и неопределенности; его ждет будущее, исполненное борьбы и тяжелого труда. Но то, что поначалу казалось Эванджелине злой шуткой судьбы, сейчас воспринималось ею как смысл жизни. Она несла ответственность не только за себя, но и за другое человеческое существо. Как же отчаянно она надеялась, что ее сыну или дочери выпадет возможность, вопреки невеселым обстоятельствам своего рождения, преодолеть все и обрести счастье.

Скрежет и щелчки отпираемых замков в конце длинного темного коридора. Свет ламп, выплеснувшийся на камень. Громыканье тележки, груженной цепями и кандалами. Резкие голоса тюремщиков: «Давайте уже, пошевеливайтесь! Нечего кота за хвост тянуть!»

– Пора, – сказала Олив, толкая Эванджелину в плечо. – Это за нами.

Перед дверью камеры стояли три стражника. Один держал в руке кусок пергамента, другой подсвечивал его сверху лампой. Третий водил дубинкой взад-вперед по решетке.

– Эй, вы все, слушайте сюда! – начал он. – Чье имя называю, та делает шаг вперед! – Он покосился на бумагу. – Энн Дартер!

Послышался шорох, бормотание, а потом вперед пробралась та юная девушка, у которой умер ребенок. Эванджелина прежде и не знала, как ее зовут.

– Будет чудом, если эта доплывет, – пробурчала Олив.

– Мора Фриндл!

Из тени осторожно выступила какая-то незнакомая Эванджелине женщина.

– Олив Риверс. Эй, не спим!

– Да тут я, не гони лошадей, – отозвалась она, кладя руки на решетку.

Стражник с дубинкой снова провел ею по решетке, тра-та-та-та, заставив Олив отдернуть руки.

– И последняя. Эванджелина Стоукс.

Эванджелина заправила прядь волос за ухо. Обхватила себя рукой за живот и вышла вперед.

Стражник поднял лампу повыше, чтобы лучше ее разглядеть:

– Ах, какая сладкая конфетка.

– Да вот только мужиков терпеть не может, – вставила Олив. – Так что тебе ловить ничего.

– Ну, с каким-то парнем она-таки слюбилась, – под общий смех возразил стражник с лампой.

– И смотри, куда ее это завело, – ответила Олив.

В сопровождении одного конвоира впереди и двух сзади заключенные толпой пересекли внутренний двор, вошли в здание, поднялись по лестнице на еще один пролет и, миновав широкий коридор с шипящими масляными лампами, прибыли во владения надзирательницы. Их хозяйка, сидящая за своим дубовым столом, похоже, пребывала в столь же скверном настроении, что и в тот вечер, когда в тюрьму привезли Эванджелину. Увидев последнюю, надзирательница нахмурилась.

– Уж больно ты тощая, – осуждающе заявила она, словно бы это Эванджелине пришла причуда похудеть. – Жаль будет, если ребенка скинешь.

– Чай, оно и к лучшему бы вышло, – вставил стражник.

– Может, и так, – вздохнула женщина и, взглядевшись в амбарную книгу, вычеркнула из нее имя Эванджелины.

После того как все формальности были соблюдены и заключенных исключили из списков, стражники повели шаркающую процессию вниз по лестнице, двигаясь медленно, чтобы женщины не повалились, как костяшки домино. Стоя за высокими черными воротами тюрьмы, Эванджелина жмурилась в свете раннего утра и чувствовала себя медведицей, только вылезшей из пещеры.

Небо над ее головой было теплого кремового оттенка свежевystиранного муслина, а листья вязов, окаймлявших улицу, – зеленой, точно листья кувшинки. С дерева вспорхнула и разлетелась, словно конфетти, стайка птиц. В городе тек своим чередом самый обычный день: цветочник устанавливал прилавок; вниз по Бейли-стрит грохотали лошади и экипажи; по тротуару вышагивали мужчины в черных жилетах и цилиндрах; мальчишка выкрикивал высоким, тонким голосом: «Пирогы со свининой! Пасхальные булочки!»

Две леди прогуливались, держа друг друга под руку: одна в красновато-коричневом, отделанном парчой атласе, а другая – в водянисто-голубом шелке; обе были туго затянуты в корсеты; рукава их платьев у плеч имели форму фонариков и, в соответствии с модой, сужались к запястьям. Их зонтики от солнца были затейливо украшены, а капоры повязаны бархатными бантами. Та, что в голубом, заметила закованных в кандалы женщин-заключенных и застыла на месте. Поднеся обтянутую перчаткой руку ко рту, она шепнула что-то на ушко второй даме. Обе резко развернулись в противоположном направлении.

Эванджелина опустила взгляд на свои тяжелые цепи и передник из мешковины. Должно быть, они посчитали ее призраком, догадалась она, почти что и не человеком.

Пока она стояла вместе со стражниками и другими заключенными у дороги, слышалось цоканье копыт, и перед ними остановились две вороние лошади, впряженные в повозку с заколоченными окнами. Не то подпихивая, не то подсаживая каждую из женщин, один из стражников смог загрузить их всех внутрь, где они сели на грубые деревянные доски-сиденья по двое – друг напротив друга. После того как стражник закрыл, а потом еще и запер дверь, внутри стало так темно, что хоть глаз выколи. Заскрипели рессоры – это он занял место рядом с возницей. Эванджелина напрягла слух, пытаясь расслышать их голоса, но не смогла разобрать, о чем они говорят.

Щелчок кнута, лошадиное ржание. Повозка, дернувшись, покатила вперед.

Внутри было душно. Колеса скрипели по булыжникам, Олив на каждом повороте заваливалась на соседку, а Эванджелина чувствовала, как с ее лба вниз, к кончику носа, соскальзывает капелька пота. Рассеянным, ставшим уже привычным движением она нащупала под платьем уголок носового платка Сесиля. Сидя на жесткой доске в полной темноте, она прислушивалась в ожидании подсказки. И наконец получила ее: вопли чаек, мужские крики в отдалении, резкий просоленный воздух – не иначе как они на побережье. Невольничье судно. Сердце ее испуганно забилося.

Матинна

*И нечего заниматься показушной благотворительностью.
Правительство обязано избавиться от туземцев: в противном случае
они будут затравлены, точно дикие звери, и уничтожены!*

Из газеты «Колониал таймс» (Тасмания), 1 декабря 1826 года

Остров Флиндерс, Австралия, 1840 год

Воздух раннего утра был прохладен, дождь не переставал. Матинна, сидевшая под плакучей сосной, плотнее натянула на плечи шкуру валлаби и уставилась на лохматые коричневые папоротники и заросли мха, нависающие сверху, словно облака. Слушая шуршание дождя и стрекотание сверчков, она перебирала пальцами хрупкие ракушки ожерелья, дважды обернутого вокруг ее шеи, и размышляла о своем незавидном положении. Нет, девочка не боялась находиться в лесу одна, несмотря на то что под валежником прятались тигровые змеи, а в невидимых паутинах висели ядовитые черные пауки. Куда больше она опасалась того, что ждет ее там, в поселении.

Ванганип рассказывала Матинне, что, когда та еще не родилась, британские колонисты, пытавшиеся схватить ее отца, отняли, буквально вырвали у него из рук их старшую дочь Теаник. Девочку отправили в приют – Королевскую школу для детей-сирот недалеко от Хобарта¹², и больше родители ее не видели. Ходили слухи, что в возрасте восьми лет Теаник умерла от гриппа, но напрямую об этом палава так никто и не сообщил.

Матинна не хотела, чтобы ее выкрали, как сестру.

После смерти Ванганип отчим Матинны, Палле, делал все возможное, чтобы утешить девочку. Когда они сидели у потрескивающего костра, он, обнимая падчерицу одной рукой, рассказывал ей о богах палава, совсем не похожих на того единственного, которого их теперь заставляли почитать. Два главных божества палава были братьями, рожденными от Солнца и Луны. Мойнее сотворил землю и реки. Дроемердене, обратившись в звезду, жил на небе. Он создал первого человека из кенгуру, даровав ему колени, чтобы можно было присесть и отдохнуть, и избавив его от громоздкого хвоста.

Палле поведал Матинне, что со времен создания первых палава их соплеменники каждый день проходили по многу миль. Стройные, подтянутые, небольшого роста, они бродили от буша к морю и вершинам гор,нося с собой в сплетенных из травы мешках еду, инструменты и кухонную утварь. Обмазавшись тюленьим жиром, чтобы защитить себя от ветра и холода, они охотились на кенгуру, валлаби и других животных при помощи заточенных каменными ножами копий и деревянных дубинок, которые назывались вадди. Воду от стоянки к стоянке палава переносили в импровизированных сосудах из бурых водорослей, а тлеющие угли – в сделанных из коры деревьев корзинах. Питались они в основном моллюсками – аваби и устрицами, а острые края их раковин использовали, чтобы резать мясо.

В далеком прошлом их страна простиралась за пролив, который теперь называется Басовым, но однажды вода в море поднялась так высоко, что отрезала остров от континента. С тех самых пор палава жили на Лутрувите, как на их языке называлась Земля Ван-Димена, в благословенном уединении. Пищи обычно хватало; пресная вода имелаась, дичь водилась в изобилии. Они строили куполообразные хижины из древесной коры, а ее широкие пласты скручивали, чтобы получить челноки. Мастерили длинные ожерелья, вроде тех, что делала мать

¹² Хобарт – столица штата (острова) Тасмания.

Матинны, из ярко-зеленых ракушек размером с детские зубы, и в ритуальных целях наносили на волосы красную охру. У многих членов племени имелись выпуклые шрамы в форме солнца и луны на плечах, руках и туловище – на коже делали разрезы, в которые помещали измельченный в порошок древесный уголь. Легенды их народа, которые можно было как рассказывать, так и петь, передавались из поколения в поколение.

Презрительно сплюнув на землю, Палле пояснил, что в отличие от британцев палава не нуждаются в кирпичных постройках, тесных нарядах или мушкетах для того, чтобы чувствовать себя всем довольными. Они ничего не жаждали, ничего не крали. Племен в общей сложности насчитывалось двенадцать, они состояли из полудюжины родов, причем каждый из них говорил на своем языке, но ни в одном не встречалось слова, означающего «имущество». Земля просто-напросто была их неотъемлемой частью.

Или, поправился Палле, пожалуй, точнее сказать: это они были неотъемлемой частью земли.

Прошло две сотни лет с того времени, как к берегам палава впервые пристали белые люди – существа странного вида, с ужасно бледной кожей, похожие то ли на белых червей, то ли на призраков из старинных преданий. Они выглядели мягкими, точно устрицы, но их копыта изрыгали огонь. Долгие годы единственными чужеземцами, кому хватало стойкости оставаться тут на зимовку, были китобои и охотники на тюленей; многие из них оказались настолько грубыми и свирепыми, что представлялись палава наполовину людьми, наполовину зверями. И тем не менее со временем между ними наладилась система обменов: палава приносили белым лангустов, тонкоклювых буревестников и шкуры кенгуру, а вместо этого получали сахар, чай, табак и ром – все эти мерзости, как Палле объяснил Матинне, запускали корни в их мозги и желудки, поскольку к ним быстро привыкаешь и они вызывают нездоровые желания.

С того дня, как захватчики впервые прибыли на остров, который назвали Землей Ван-Димена, они, словно приливная волна, не знали удержа. Присваивали себе все новые территории, отесняя палава дальше и дальше в горы. Зеленые луга и поросшие кустарником равнины, уголья, где соплеменники Матинны охотились на кенгуру и валлаби, превратились в огороженные заборами пастбища для выпаса овец. Палава ненавидели этих глупых блеющих животных, которые вечно запруживали им дороги и тропы. Они отказывались есть их вонючее мясо и поджигали изгороди, мешавшие свободному передвижению. Опасаясь пастухов, которые, стоило им подойти поближе, стреляли без колебаний, палава давали захватчикам отпор как могли: действовали хитростью и нападали из засады.

За десять лет до рождения Матинны так называемая Черная война¹³ едва не выкосила племена подчистую. Палава слишком поздно поняли, что белые люди начисто лишены морали. Они лгут, с улыбкой глядя вам в глаза, и не считают зазорным заманивать вас в ловушки. Местные жители, вооруженные камнями, копьями и вадди, безуспешно сражались с каторжниками и поселенцами, имевшими официальное дозволение британского правительства убивать или брать в плен любого встречного туземца. Эти люди рыскали по всему острову с кенгуровыми собаками, охотясь на аборигенов просто забавы ради. Однако палава продолжали от них ускользать, и тогда они стали действовать изворотливее. Прятали стальные капканы под листьями эвкалипта. Привязывали мужчин к деревьям и использовали их в качестве мишеней для стрельбы. Насиловали и угоняли в рабство женщин, заражая их болезнями, в результате которых те становились бесплодными. Выжигали на них клейма и раскраивали головы их детей о камни.

Когда бо́льшая часть палава была истреблена, немногочисленных выживших согнали вместе и переправили на Флиндерс. Здесь их принудили натянуть на себя жесткую английскую одежду с никому не нужными пуговицами и тесную обувь. Волосы, предварительно вычистив

¹³ Черная война – истребление британскими колонистами тасманийцев на Земле Ван-Димена в первой половине XIX века.

из них красную охру, остригли коротко, на британский манер. Туземцев заставляли сидеть в темной часовне, слушать проповеди, повествующие об аде, о котором они до той поры и представления не имели, и моральные поучения, в которых они не нуждались, а также петь церковные гимны, обещавшие спасение души в обмен на страдания.

Палава сказали, что их пребывание на Флиндерсе будет временным, что скоро им предоставят их собственную землю – или, точнее, вернут часть той земли, что и так им принадлежала.

С тех прошло десять лет. Они все еще ждут, когда белые выполнят свое обещание.

Дождь лил стеной. Вода стекала по шее Матинны, находя прорехи в ее накидке, так что хлопковое платьице промокло насквозь. В горле першило: начиналась простуда. От усталости чесались глаза, в животе было пусто. Можно было бы поискать лебединые яйца, но тогда пришлось бы выйти на открытое место. Отправься девочка на пляж за моллюсками, ее бы легко заметили с хребта. Хотя сама Матинна тонкоклювых буревестников никогда не ловила, она видела, как это делает Палле: запускает руку в яму шириной с раковину крупной устрицы и, если воздух там оказывается холодным, быстро ее вынимает, поскольку в норе могли обитать змеи, но если воздух теплый, значит внутри, скорее всего, устроил гнездо буревестник. Тогда Палле засовывает руку поглубже, хватая птицу и, выдернув наружу, сворачивает ей шею.

Загвоздка заключалась в том, что костер Матинна развести не могла, а без огня тут никак не обойтись. Даже самые неприхотливые старейшины, те, что набрасывались на буревестников, едва лишь сгорит большая часть их липких перьев, и то не ели птиц сырыми.

Девочка долго смотрела на растущие вдалеке эвкалипты, чья кора своей гладкостью и серым оттенком напоминала животики валлаби, и ее глаза заволокло слезами. Матинна скупала по своему любимцу Валуке, кольцехвостому поссуму-альбиносу с розовыми ушками, которого она нашла совсем крошечным и вырастила. А еще по теплу рук Палле.

При мысли о дымящихся устрицах, только-только снятых с углей, рот ее наполнился слюной.

К тому времени, когда она вернулась обратно в поселение, дождь уже перестал. Вокруг слонялись кое-кто из соплеменников-палава и несколько миссионеров, но супругов Франклинов нигде видно не было. Сердце Матинны наполнилось надеждой. Она проскользнула в комнату для занятий, где у небольшой группы детей как раз шел урок. Школьный учитель поднял глаза от учебника. Казалось, он не заметил ни намочшего платья, ни перепачканной шкуры валлаби, ни испуганного взгляда девочки. Похоже, ее возвращение ничуть его не удивило.

– Мэри, – произнес он, поднимаясь. – Пойдем со мной. Тебя искали.

Тасманово море, 1840 год

Когда капитан посадил Матинну, помогая ей подняться на борт парусника, девочка оглянулась и увидела, что ее отчим, чей силуэт вырисовывался на фоне неба, стоит на хребте, прикрывая глаза от солнца.

– Палле! – выкрикнула она, помахав ему.

Он поднял руку с растопыренными пальцами.

– Палле... – Слезы размывали очертания его фигуры.

– Ну все, хватит, – сказал капитан.

Матинна потихоньку всхлипывала, пока он поднимал якорь и ставил паруса. Каким-то глубоким внутренним чутьем девочка понимала, что никогда больше не увидит своего приемного отца. Судно уже отшвартовалось и вышло в открытый океан, а она все смотрела, как его фигура медленно исчезает вдаль.

Моряк сплюнул на палубу:

– Мне велели обращаться с тобой, как с маленькой леди. Я, разумеется, выполню приказ, да вот только странно: что-то не видал я прежде таких благородных барышень, как ты.

Матинна ничего не ответила. Вытерла глаза руками.

Она никогда еще не бывала на открытой воде. Среди палава в море выходили только те, кто умел хорошо управляться с каное. И сейчас все это стало для нее полнейшей неожиданностью: плавные движения вверх и резкие вниз, соленые пузырьки в носу, режущая яркость солнечных лучей, тошнотворная вонь гниющих в бадье рыбных потрохов.

Рот наполнился слюной. Заслезились глаза. Не успел еще Флиндерс скрыться из виду, а Матинну уже выворачивало в ведро.

– Это все от головы. – Капитан постучал себе по виску. – Спокойней надо быть, поменьше переживать.

Когда три дня назад Матинна вернулась в поселение, ей сказали, что Франклины уже на пути обратно на Землю Ван-Димена. Из всей своей маленькой флотилии они оставили на острове лишь судно «Баклан» и его капитана, с одной-единственной целью – переправить ее в Хобарт. Мария, жена Джорджа Робинсона, помогла девочке собраться и уложить в старый дорожный сундук все ее скудное имущество: два простеньких хлопковых платья в английском стиле, два комплекта панталон, чепец, пару кожаных ботинок. В корзине из ситника, которую сплел для нее Палле, Матинна соорудила Валуке настоящее гнездышко, постелив внутрь свою накидку из шкуры валлаби, а в самый низ спрятала три ожерелья из ракушек, собранных еще покойной матерью.

– Вряд ли разумно тащить в резиденцию губернатора грызуна, – заметил Робинсон, увидев Валуку.

– Это не грызун, Джордж, а сумчатое, вроде кенгуру, – возразила его супруга. – Называется поссум. Девочка растила зверька с рождения, он совершенно ручной.

– А по виду – крыса крысой. Не вижу смысла волочь его в такую даль.

Мария положила руку мужу на предплечье:

– Дитя оставляет здесь весь свой привычный мир. Что плохого, если она заберет с собой любимого питомца?

Сейчас Матинна присела на корточки и открыла корзину. Вытащила одно из ракушечных ожерелий и обернула его вокруг шеи, затем посадила себе на колени Валуку. Пожалуй, из-за своей молочно-белой шкурки, розового носика и длинных когтей он и впрямь немного походил на крысу. Оказавшись у нее на коленях, зверек обмяк и не шевелился, но, ласково глядя поссума пальцем по грудке, девочка чувствовала, как лихорадочно стучит его крохотное сердечко.

– Чудно, что тебе позволили взять с собой этого шелудивого, – сказал капитан.

Она провела рукой по спинке Валуки, словно бы пытаясь его защитить.

– Мистер Робинсон разрешил.

– Ела когда-нибудь мясо поссума?

Она покачала головой.

– Весьма недурственно, – поделился капитан. – С привкусом эвкалипта.

Непонятно было, шутит он или говорит серьезно.

Небо было серым, как голыши в бухте. Волны поблескивали, точно сланец. Разложив свою потрепанную карту, моряк подозвал Матинну. Провел указательным пальцем вдоль береговой линии крупного массива суши до узкого пролива вниз. Постучал по нему, пояснив:

– Вот сюда мы и направляемся. За десять дней должны добраться.

Девочке эти ломаные линии на листе бумаги мало что говорили. Но, рассматривая карту, проговаривая вслух названия городов и областей, она продвигала уже свой палец вверх по береговой линии – отслеживала ход их плавания в обратном порядке. Мимо Порт-Артура, вокруг крошечного острова Марайа, через Фор-Майл-Крик и вокруг острова Кейп-Баррен и, наконец, обратно на Флиндерс: он выглядел этакой крупинкой в океане над громадой Земли Ван-Димена.

Проведя пальцем по ракушкам ожерелья, Матинна вспомнила, как мать вложила его ей в руки.

– Каждая их этих раковин – это кто-то, кто стал тебе близок, или место, которое ты полюбила. А ты – связующая их нить, – пояснила она, касаясь щеки дочери. – У тебя всегда с собой дорогие сердцу люди и места. Не забывай об этом, дитя, и ты никогда не будешь одинока.

Матинне очень хотелось в это верить. Вот только она слегка сомневалась, так ли все обстоит на самом деле.

Капитан спал урывками; просыпался при малейшем наклоне судна или хлопке паруса. Матинна деликатно делала вид, что не замечает, когда он заходит за бочку, чтобы справить нужду или вымыть подмышки над бадьей. Лет ему было от силы тридцать пять, но Матинне моряк казался древним стариком. Он был грубоват, но не лишен доброты. Сказал девочке, что ему велено благополучно доставить ее к губернатору и всеми правдами или неправдами он эту задачу выполнит. Большую часть времени Матинна была предоставлена самой себе. Если капитан не управлял гротом и не прокладывал курс, то сидел возле одного борта судна, вырезая из дерева голых женщин маленьким ножичком с изогнутым лезвием, а она, пристроившись возле другого, теребила крохотные зеленые ракушки на шее и играла с Валукой.

Каждое утро капитан выполнял работы, следуя заданному списку: заносил в журнал показания барометра, осматривал паруса на предмет прорех и разрывов, прибавал отошедшие доски, сращивал канаты. Забрасывал с заднего борта приманку и вытаскивал то краснополосого окуня, то ставриду, а иногда и лосося. Оглушив бьющуюся рыбу, быстро потрошил ее разделочным ножом, после чего разводил огонь в специальном приспособлении для готовки – то была необычная металлическая конструкция с тремя стенками и на четырех крепких ножках, на дне ее находился поддон для огня, а сверху лежала решетка.

Матинна никогда еще не пробовала рыбу; паlava ели только моллюсков и ракообразных. Они смеялись над миссионерами, когда видели, как те выковыривают из зубов крохотные косточки. Но сейчас, при виде белого, отстающего от костей мяса рот девочки наполнялся слюной. А какой восхитительный аромат исходил от поджаристой кожицы!

– На-ка, попробуй, – предложил как-то вечером капитан, поймав ее взгляд.

Он отрезал несколько кусочков, бросил их на оловянную тарелку и протянул пассажирке. Когда Матинна попыталась подхватить кусочки пальцами, рыба развалилась на плоские мяси-

стые кружочки. Она засовывала их в рот по одному, восхищаясь маслянистым вкусом. Моряк ухмыльнулся:

– Небось получше сухарей будет, а?

Капитан рассказал ей историю своей жизни – о том, как украл редкие монеты, чтобы заплатить за лекарства для своей больной матери (по крайней мере, так он это представил), и в результате попал на корабль с осужденными преступниками, державший курс на Землю Ван-Димена, где его приговорили к шести годам каторжных работ в Порт-Артуре. Когда ее собеседник упомянул, что прежде был звероловом и охотился на тюленей, сердце Матинны екнуло от страха. С другой стороны, утешила она себя, капитан вроде как не похож на свирепого или жестокого человека.

– Вам нравилось... забивать тюленей? – спросила она.

Моряк пожал плечами.

– Работенка, прямо скажем, тяжелая. Вечно в грязи, на холоде. Только какой у меня был выбор, а? Там я хотя бы знал, что мне заплатят. Уж всяко не хуже, чем в тюрьме. Вот уж где я хлебнул лиха! Ох, чего только люди не творят друг с другом. Тебе такого даже и не представить.

Почему же не представить? Вот она здесь, оторванная от своей семьи и всех, кого знала, по прихоти леди в атласных туфельках, которая отваривает черепа ее соплеменников и выставляет их как диговинки. (Вот уж правда, чего только люди не творят друг с другом!)

– Но, слава богу, это все в прошлом, – продолжил капитан. – Я теперь живу честно. Когда губернатор платит тебе жалованье, вытягиваешься в струнку и подпрыгиваешь по первому его слову. Причем так высоко, как прикажут.

В открытом океане вода была беспокойной, с белыми барашками. Она обдавала лица брызгами и захлестывала борта пеной, когда их маленькое суденышко ныряло и поворачивалось. Капитан начал привлекать Матинну к работе: поручал распутывать снасти, удерживать румпель, пока он переставлял паруса. Показал девочке, как почистить металлический гриль и сберечь горячие угли, чтобы огонь в печи не погас. А потом объявил, что назначает ее вахтенным матросом: когда ему нужно было вздремнуть или передохнуть, она должна была смотреть в оба. Постепенно Матинна втянулась, и работа стала для нее лекарством от скуки. Больше всего ей нравилось нести вахту, когда капитан спал. Держась начеку, она следила за горизонтом и поддерживала огонь.

Матинна с энтузиазмом выполняла все поручения, стала настоящей помощницей капитана, и тот знал, что может на нее положиться.

– Болтают, будто ваших ничему не научишь, а тут погляди только, какая толковая девица, – одобрительно говорил моряк.

Когда небо темнело, она кутала плечи в свою меховую накидку и, задрав голову, выискивала глазами яркую южную звезду, Дромердене, позволяя себе смежить веки только после того, как ее находила.

День уже клонился к вечеру, когда «Баклан» вошел в залив Сторм и поднялся по реке Деруэнт к Хобарту¹⁴. После того как они в окружении громко вопящих чаек подплыли к причалу, Матинна закрепила носовой и боковой швартовы. Капитан отдал грота-шкот, замедляя ход судна, и осторожно направил его к месту стоянки. Пока он был занят всем этим, девочка собрала свои вещи, спрятала Валуку в корзинку и прикрыла его шкурой валлаби, после чего переделалась в простое белое платье с мелкими складками на лифе, то самое, которое ей велели приберечь до прибытия на место. Все плавание Матинна проходила босиком, и кожа на ее подошвах загрубела, что конская шкура. Теперь, когда она натянула на себя мягкие кожаные туфли, ощущения были непривычными, словно на ногах у нее оказались чепчики.

¹⁴ Город изначально назывался Хобарт-Таун и был переименован в Хобарт только в 1881 году.

Немного постояв на мощенной булыжником пристани с корзиной в руках, Матинна сделала несколько пробных шагов, стараясь восстановить равновесие после стольких дней, проведенных в море. Ну и местечко! Она никогда еще не встречала такого бурления жизни: покрикивали друг на друга мужчины, расхваливали свои товары женщины, лаяли собаки, верещали чайки, ржали и встряхивали гривами лошади. Блеяли козы и похрюкивали свиньи. Солончатый запах водорослей смешивался с душком конского навоза и землистой сладостью жарящихся каштанов. У стены здания, сбившись в кучку, месили ногами грязь какие-то люди в желто-черных одеждах. Приглядевшись, девочка поняла, что они скованы вместе цепью.

Услышав характерный смех капитана, Матинна обернулась. Он стоял в нескольких футах от нее и разговаривал с двумя мужчинами в красной униформе и с перекинутыми через плечо мушкетами. Дернул в ее сторону подбородком:

– Вот эта.

– Да уж, тут всяко не ошибешься, – хмыкнул один из его собеседников.

– А где ее родители? – поинтересовался другой.

– Девочка сирота, – сказал моряк.

Первый солдат кивнул:

– Пожалуй, оно и к лучшему.

Капитан присел перед Матинной на корточки.

– Ну что ж, давай прощаться. Пришла пора передать тебя дальше. Эти двое отвезут, куда надо. – Чуть помедлил, словно хотел еще что-то сказать. Потом кивнул на ее корзину. – Рад, что не пришлось съесть твоего поссума.

Сиденья в пролетке – конский волос, выкрашенный в королевскую синь, – оказались скользкими. Чтобы не съехать на пол, девочка была вынуждена схватиться за подлокотник. Лошади с прихлупыванием цокали копытами по склизким от грязи булыжникам.

Сидя в трясущейся пролетке и оглядываясь на удаляющуюся от нее пристань, Матинна почувствовала такое невероятное одиночество, какого еще не испытывала ни разу в жизни. Никто в этом странном месте не выглядел, как она. Совсем никто.

Хобарт, Земля Ван-Димена, Австралия, 1840 год

Лошади свернули на короткую подъездную аллею и резко, так что коляску мотнуло, остановились перед длинным двухэтажным зданием кремового цвета, с синей отделкой и широкой верандой. Один из солдат спрыгнул на землю и поднял Матинну из пролетки. Но вместо того, чтобы поставить девочку на выстланную камнем дорожку, отнес ее к ступеням парадного входа.

– Мне сказали, будто вы настоящая леди, – произнес он с преувеличенно почтительным видом. – Так что подол пачкать не годится.

Вытянув шею, Матинна огляделась. Хотя столь больших и величественных зданий ей прежде видеть еще не приходилось, чувствовала она себя странным образом непринужденно, как если бы вдруг попала на гравюру одной из тех книг, что читала со школьным учителем.

На крыльце появилась крепкая, средних лет женщина в сером платье с белым передником и в чепце.

– Здравствуй, Матинна, – сказала она, склонив голову набок. – Мы тебя ждали. Я – миссис Крейн, экономка. А это резиденция губернатора. Твой новый... дом.

У школьного учителя на Флиндерсе тоже имелась экономка, старуха-миссионерка, которая убирала ему постель и готовила завтрак. Матинна обычно делала вид, будто ее не замечает. Но порядки этого места были девочке неизвестны. Может, полагается сделать книксен? Она присела в реверансе.

– Не трать на меня понапрасну свои манеры, – фыркнула миссис Крейн. – Я так понимаю, это мне полагается тебе кланяться, а не наоборот. Слышала, ты у нас принцесса! – Повела бровями на солдат. – Очередная причуда леди Франклин!

Закинув сундук на плечо, один из них бросил:

– Куда прикажете девать приданое юной леди?

– Оставь его у черного хода. Сомневаюсь, что там есть что-то годное. – Вновь повернувшись к Матинне, экономка нахмурилась, окидывая ее оценивающим взглядом. – Пойдем со мной. Поищу горничную, которая наберет тебе ванну. Надо привести тебя в приличный вид, а то леди Франклин взглянет на тебя, испугается и передумает.

Старое деревянное корыто раньше служило поилкой для лошадей. Это Матинне рассказала Сара, горничная. Натирая спину и руки девочки шершавым куском щелочного мыла, она пояснила:

– Мне приказано отдраить тебя с головы до пяток. Миссис Крейн велела поспешить, поэтому греть воду было некогда.

Съежившаяся в корыте и стучавшая зубами Матинна кивнула.

– Дальше ужин, а потом зайдешь к леди Франклин, – продолжила Сара, подняв руку девочки и намыливая ее с тыльной стороны. – Кухарку нашу зовут миссис Уилсон. Очень хорошая женщина. Тут почти все горничные благодаря ей появились. Сама больше десятка лет в «Каскадах» промытарилась.

Сара отжала тряпицу, и Матинна вздрогнула: ей на плечи потекла холодная вода.

– А что такое «Каскады»?

– Сиди смирно, мне еще надо тебя ополоснуть. Это тюрьма. Что-то вроде рабочего дома для женщин, хотя ее и называют женской фабрикой. Жуткое место. Хотя, судя по тому, что я слышала, Флиндерс похуже будет. Теперь задери подбородок.

Матинна подняла голову, и Сара принялась тереть ей шею. Девочка вспомнила, что капитан рассказывал о заключенных в Порт-Артуре: дескать, они не знают жалости – как только тебя увидят, сразу перережут глотку. Подумала о мужчинах, которых видела на пристани: как они едва переставляли закованные в кандалы ноги. И сказала:

– Я не знала, что леди тоже могут быть заключенными.

Горничная скорчила гримасу:

– Да какие мы леди.

Матинна внимательно посмотрела на Сару, на ее выющиеся каштановые волосы и яркосиние глаза, на ее аккуратное серое платье. Выглядела женщина вполне безобидно, но кто знает?

– Ты убила кого-нибудь?

– Только в мыслях, – рассмеялась Сара и, выкрутив тряпицу, добавила: – Убийцам не положено никаких послаблений. Они целый день торчат в своих камерах и щиплют паклю из просмоленных канатов. Ох и жуткое занятие: на пальцах потом живого места нет! Как по мне, так лучшей причины не убивать никого даже и не придумаешь.

После ванны Сара обрядила Матинну в белую нижнюю юбку, платье из розового габардина и белые чулки и пригладила ей волосы, смазав их маслом. Когда горничная протянула девочке пару жестких черных ботинок, та заартачилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.